

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Кира
РАЙТ

18+

УПРЯМАЯ

(Не)пара для волка

(Не)пара для волка

Кира РАЙТ

Упрямая. (Не)пара для волка

«Автор»

2022

РАЙТ К.

Упрямая. (Не)пара для волка / К. РАЙТ — «Автор»,
2022 — ((Не)пара для волка)

Что делать, если твой отец совершил ужасную вещь, став врагом целой стаи оборотней? Правильно. Влюбиться в одного из них. Ну и что, что избранник говорит, что без истинной пары построить семью невозможно, и всячески старается держать дистанцию? Я упрямая и добьюсь своего. Тем более сам виноват, снится, когда не надо. Хотя не сказать, что он так уж сильно против моих планов... Итак, условия. Дано: один оборотень, одна не такая уж и невинная героиня, невероятное взаимное притяжение и просто вагон разных тайн и трудностей, которые предстоит разгрести этим двоим. Что выйдет в итоге? Горячая, немного сумасшедшая история любви, которой море по колено. Жаль к тегу «адекватные герои» нельзя добавить слово «почти»)

Содержание

ПРОЛОГ	5
Глава 1 Для Него	7
Глава 2 Юная леди	9
Глава 3 Теперь я – Эли	11
Глава 4 Это был мой рай	13
Глава 5 Та самая ночь полнолуния	16
Глава 6 Не мой дом	18
Глава 7 Спасибо	21
Глава 8 План «Б»	23
Глава 9 Не повезло	25
Глава 10 Снова не повезло	27
Глава 11 Встреча века	29
Глава 12 Ужин без свечей	32
Глава 13 Более близкое знакомство	34
Глава 14 Моя тюрьма – моя крепость	36
Глава 15 Завтра полнолуние	39
Глава 16 Всё ещё ждём полнолуние	43
Глава 17 Наконец-то утро полнолуния	46
Глава 18 Вечер полнолуния	49
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Кира РАЙТ

Упрямая. (Не)пара для волка

ПРОЛОГ

Я оттягиваю его голову чуть назад за волосы и смотрю замутненным взором, а из губ сам по себе вырывается громкий стон.

– Нет, не так, лисичка. Кричи же...

Он делает резкое движение, заставляя выгнуться в спине и громко вскрикнуть.

– Смотри только на меня, слышишь? И кричи, зови на помощь, громко, – продолжает прикусывать мою кожу, и я кричу, стараясь не показать истинных чувств.

– Пожалуйста, – эта мольба обращена вовсе не к людям, а точнее – нелюдям, за дверью.

– Потерпи немного, и проси остановиться, – и он старается быть более осторожным.

– Нет, – хрип, – не надо, – стон, – пожалуйста, не мучай меня, – громкий вскрик, – не останавливайся... – уже совсем тихо.

Он сжимает сильнее, и я начинаю царапаться и кусаться, извиваясь, кричу в голос уже не по указке.

– Так нужно, слышишь? Прости, – шепчет он мне, а потом громко, совсем по-звериному рычит.

Затем зубами рвет своё запястье. И меня колотит, когда он размазывает свою кровь по моему лицу, плечам, телу, но совсем не от страха или отвращения. Я хочу ещё больше... Его...

– Покажи им, что боишься меня, не приближайся, – строго посмотрев в последний раз, он кидается к решетке.

А я, свернувшись в клубочек и спрятав лицо в ладони, забиваюсь в угол.

Всю свою жизнь я была разменной монетой в руках отца. И вот к чему это привело.

Лишь однажды в моей жизни появилось солнце – когда в неё вошел Он. Но так же, как и солнце, Он скоро покинул меня, оставив наедине с детской влюбленностью и бессмысленными мечтами о невозможном, как тогда казалось, будущем.

Мой отец сделал одну очень жуткую вещь, решил поиграть в Бога, как сказал тот неприятный мужчина, имени которого узнать не удалось из-за кляпа в моём рту. Но расплачиваться за поступки родителя почему-то буду я.

Когда меня тащили в клетку к жуткому монстру, и представить не могла, что именно там ждёт. Но не молитву шептала перед ожидаемой смертью, а по детской наивной привычке – Его имя.

И нет, мой герой не появился внезапно и не спас меня от ужасной участи. Хотя я не отказалась бы и от такого сценария. Только видимо этот сказочный сюжет в моей жизни произойти не мог.

Зато произошёл другой...

Как сказали те нелюди, до конца своих дней, которые с большой долей вероятности могут наступить уже сегодня, я останусь тут. Ведь эти твари на генетическом уровне ненавидят людей и уничтожили их уже немало. А теперь должны уничтожить и меня.

Долго и мучительно.

И моих пленителей не интересует, что я не была в курсе действий отца и боюсь всего происходящего до жути, а ещё совсем не планирую умирать в столь юном возрасте. Они жаждут отмщения. За мой счёт. Только мы ещё посмотрим, кто кого.

Вообще меня зовут Элина, и пока у меня есть такая возможность, хочу рассказать свою историю.

Приветствую Вас на страницах новой истории, буду благодарна за поддержку в виде звёздочек, подписок и комментариев♡

Глава 1 Для Него

Тринадцать лет назад

Элина

Мне было пять лет, когда впервые влюбилась. Это была зима, пушистые снежинки падали с неба, щекоча мне нос. Я фыркала, а они оседали на моих ресницах. Ощущение волшебства и чуда завораживало, тревожило, не позволяя сидеть на месте.

Я играла во дворе с гувернантками, когда увидела Его. Моё чудо, ставшее позже наваждением. Он был не таким, как все люди, которых я встречала до этого (надменные, сердитые, даже агрессивные), чем, наверное, и привлёк моё внимание. Его просто окружала какая-то невероятная тёплая аура, хотя тогда этого слова я не знала, только чувствовала вот так.

Он был красивым, даже очень. Невероятные серые живые, будто смеющиеся искорками глаза, легкая плавная походка и уверенность в каждом жесте, несмотря на молодой возраст. И снежинки, много пушистых снежинок вокруг него.

Словно в нём складывались, кружась над его головой...

Он приехал с целой группой незнакомых мне людей по работе к моему отцу. Многие дяденьки, которых родитель называл загадочным словом «партнёры», приезжали к нему домой. Некоторые привозили мне игрушки или сладости, желая ему понравиться. Но ни разу никто из этой вереницы разных мужчин не вызвал во мне и капли интереса или желания пообщаться. Лишь страх и отвращение от их наигранной заботы.

И вот я вижу Его. Что я испытала тогда? Наверное, непреодолимую тягу быть рядом. Желание, чтобы этот парень поднял меня руки и кружил как пушинку, а я бы счастливо смеялась. Держал за руку и смотрел своими серыми глазами с искорками-смешинками. Большого мне для счастья было и не нужно.

Я даже забыла свое занятие и, бросив развивающие игрушки (иных у меня не было) на землю, усыпанную снегом, как замороженная пошла по мощёной дорожке. К Нему.

Одна из гувернанток ухватила меня за руку и осторожно отвела за угол, призывая не мешать отцу работать, ведь иначе он рассердится. Сердить отца я не хотела. Поэтому послушно шла, куда вели. Но успела краем глаза заметить, как Он вдруг резко обернулся в нашу сторону и повёл носом по воздуху, будто принюхиваясь. Его глаза, мне показалось, на миг полыхнули. Но, конечно, позже я решу, что это мне привиделось.

Что только не выдумают дети.

Взрослый мужчина рядом с Ним, немного на него похожий, дёрнул его за руку, как мальчишку, как отец иногда одергивал меня в общественных местах. А я удивилась. Ведь Он – сам уже почти взрослый и сильный. Самый сильный – так мне казалось. Разве может тот дядька его так дёргать?

Это чувство несправедливости загорелось во мне настолько, что самой хотелось поскорее вырасти и стать большой, чтобы... Не знаю, что. Быть рядом, рассказать ему, какой Он сильный. И чтобы никто больше не смел его трогать.

А ещё он показался очень-очень добрым. Как какой-то герой из волшебной сказки. И конечно мне хотелось тоже побывать в этой сказке, а не тут, где меня только и преследуют неудачи.

Что-то невероятное с того момента в моей душе не позволяло сидеть на месте. Я вела себя особенно дурно, не находя сил быть послушной. Убегала, ругалась с прислугой, даже обзывалась, чего раньше никогда не случалось. И, разумеется, гувернантки всё рассказали отцу.

Он довольно часто меня наказывал, оставляя без сладкого или вводя новые занятия в программу обучения. Да. В пять лет. Он считал, что я должна быть умнее, чем есть, лучше во

всем. А сейчас недостаточно хороша. И это я помнила. Что нужно оправдать его ожидания. Иначе отец рассердится и...

Я боялась его гнева как огня. Когда он повышал на меня голос, я замирала на месте, не могла ни вздохнуть, ни выдохнуть. Иногда начинала заикаться.

Но именно в тот день отец меня впервые ударил. Отвесил тяжелую пощечину, от которой я упала прямо на пол. Я смотрела зареванными глазами снизу вверх на большого взрослого и совсем, казалось, чужого мне мужчину и боялась, что сейчас он продолжит меня бить.

А потом ещё как-то накажет. И так хотелось, чтобы рядом был тот, что защитит...

И всё из-за чего? Я лишь сказала, что мне понравились те люди, что приходили сегодня. Не осмелилась признаться, что конкретный человек. Даже в том возрасте мне было ясно, что он не одобрит. Но не думала, что в первый раз в своей жизни получу затрещину.

Взгляд отца, конечно, сразу же будто протрезвел. Он кинулся поднимать меня с пола, начал гладить и даже поцеловал в щеку, чего раньше с ним не случалось. Плохо помню, что именно он говорил, но это было что-то мягкое и приятное.

Потом он наорал на гувернанток, чтобы следили за мной лучше, и приказал уложить спать. А на утро сделал подарок – серебряную серёжку. Сказал, что остальное подарит на день рождения, если я стану себя хорошо вести. А пока разрешает мне проколоть ушко и носить её, если хочу. Но если надену украшение – уже нельзя снимать, чтобы ушки не загноились и не заросли.

Это потом я поняла, что это был не просто подарок, а откуп за его грубость, и способ манипулировать мной, ведь потерять первый подарок отца я боялась и старалась быть послушной. А он совершенно точно мог и отобрать.

Следом появились и другие украшения, много других. Очень. За каждую его жесткую по отношению ко мне выходку. Но та простенькая серебряная сережка стала неким символом. Она появилась на следующий день после того, как я встретила Его. И поэтому даже если бы меня заставляли, я бы ни за что не сняла.

Помню, как была счастлива, как бегала по комнате. И представляла, что я уже большая. А с украшениями от отца буду ещё и красивая. И обязательно, когда Он придет следующий раз, заметит это.

С тех пор Он стал моим воображаемым другом, невидимым спутником. Всё, что я делала, расценивала через его призму. А Ему бы понравилось? А что Он бы сказал? Рассказывала Ему вечерами о том, что делала днем, делилась, жаловалась, просила совета.

Я стала очень послушной и прилежной на занятиях. Гувернантки и отец нарадоваться не могли. А я старалась быть ещё лучше. Только теперь...

Для Него.

Глава 2 Юная леди

Два года я прожила в мечтах и воображаемом мире, где тот парень – мой друг и он рядом. И мои мечты были такими реалистичными, что иногда сама верила в то, что всё происходит на самом деле.

Только вот больше те люди, а вместе с ними и Он, не приходили, или просто я не видела. Однажды мне послышались голоса в кабинете отца и на мгновение показалось, что это Его голос. Но ведь раньше я его не слышала, поэтому не могла быть уверена.

Хотя мне и казалось, что Его голос должен быть именно таким – бархатный, уверенный, с легкими рычащими нотками. Потом этот голос будет мне сниться. И вот мой безмолвный выдуманный друг начинает со мной мысленно разговаривать. Тем самым невероятным голосом.

Поддерживать, когда плачу, хвалить, когда что-то хорошо получается. И просто звучать в моей голове, успокаивая, если мне грустно.

Следующий раз мне удалось Его увидеть в семь лет. На свой день рождения не смела и мечтать о таком подарке. Его, как и другие праздники, мы отмечали не каждый раз из-за занятости родителя. Но если отцу что-то было нужно от партнеров, то он всегда находил это хорошим предложением.

На праздник были приглашены почти все знакомые отца. И вместе с ними приехал Он.

Он сразу выделялся из общей толпы своим ростом, густой шевелюрой волос, серыми светящимися глазами... Но дело было не во внешности.

Когда ещё, будучи в холле, я услышала звук подъехавшей машины – уже знала, что в ней Он.

Пусть это можно воспринять за детские выдумки, но я чувствовала, как Он проходит через пункт охраны. Идет уверенными шагами по дорожке. На Его ногах кроссовки, а не туфли, как у остальных. Поэтому он идет неслышно, не цокая каблуками по плитке.

Я застыла перед дверью, оцепенев, ожидая, что дверь сейчас откроется и появится Он. И Он появился. Вошёл, пропуская вперёд более старшего мужчину. А затем встретился своим с моим восхищенным взглядом, который я не прятала. Тогда ещё не поняла, что следует.

И он тоже замер в дверях на мгновение. Мне казалось, что всё вокруг замедлилось, смолкла музыка и голоса. И только его серые глаза смотрят прямо на меня, а на губах рождается добрая светлая улыбка.

Волшебство того момента я запомнила и пронесла с собой через всю свою жизнь. Каждый раз, когда потом забивалась в угол и ревела одна, вспоминала его теплый взгляд и невероятную улыбку.

Отец появился слишком быстро, загородив собой Его, протянув руку для рукопожатия его более взрослому спутнику. Гувернантка хотела отвести меня в сторону, к детям. Всех гостей мы встретили. Но я заупрямилась и, выдернув ладошку из её захвата, направилась прямо к отцу.

На ходу собиралась с мыслями, сжимая кулачки. Вот ещё шаг и окажусь совсем рядом. Подошла в плотную, подняла уже не такой решительный взгляд на недовольного отца, и протянула руку, как он это делал несколькими секундами ранее, Ему.

Мои щеки горели как красный светофор, но голос прозвучал вполне достойно.

– Добрый вечер. Меня зовут Элина, и это мой День Рождения.

Его улыбка стала совсем лучезарной. Он присел, чтобы быть на уровне моих глаз, взял своей огромной теплой ладонью мою и тоже вежливо ответил тем самым, уже знакомым голосом:

– Мои поздравления, Элина. Ваш праздник удался на славу.

– Благодарю, – я поковыряла паркет носочком туфельки, – а как Вас зовут?

Щеки опять предательски вспыхнули, а ладошки вспотели. Хорошо, что к этому моменту он уже отпустил мою руку.

– Какая смышленная смелая малышка, – восхищенно сказал Его спутник.

А мне это было неважно, как и то, что рядом стоит разъяренный отец. Главное – вот эти серые глубокие глаза на меня смотрят. Он улыбается только мне. И сейчас я узнаю Его имя. А так ли уж важно то, что будет потом?

– Эмин, юная леди, – Он склонил голову в полупоклоне.

– Очень приятно с Вами познакомиться, господин Эмин, – я уже серьезно кивнула.

– Прошу прощения за дочь, – раздалось рокочущее сверху, и я, не глядя, почувствовала волну ярости отца.

Он грубо схватил меня за руку, ту самую, что совсем недавно так осторожно держал Он (нет, не просто Он – теперь Эмин) и уволок в сторону к гувернанткам.

– Тебя совсем не учили правилам хорошего тона?! Разве можно вмешиваться в разговор взрослых? Не смей приставать к моим гостям!

– Прости, отец...

Я ещё не придумала, как мне можно оправдаться, но уверена, что смогла бы что-то сообразить, если бы отец не сжал мою ладошку так, что едва не вскрикнула и не зашипел:

– Сейчассс ты идешь ко всссем осстальным детям, режешь торт и ведешь ссссебя как сссчастливым и оооочень восспитный ребенок. А позже мы с тобой поговорим? Ясно?!

Мои глаза вновь наполнились слезами. От обиды и боли. А отец, отпустив руку, добавил:

– Улыбайссся. Живо! Не позорь меня!

– П-прости, отец, – заученно повторила я.

Опустив голову и натянув на себя самую вежливую из арсенала улыбок, через всю залу, наполненную незнакомыми мне людьми, я шла в часть, отведенную детям. И тут произошло то, ради чего я была готова пережить эту сцену с отцом заново.

И не раз.

Глава 3 Теперь я – Эли

Слёзы ещё застилали глаза, когда я наткнулась на кого-то в толпе. Подняв украдкой глаза, наткнулась на два серых омута, в которых тут же утонула в головой.

– Тебя кто-то обидел, Эли?

В его голосе была неподдельная тревога и сочувствие. А ещё он снова присел. Прямо посреди толпы. Просто чтобы быть ближе ко мне.

Даже отец никогда так не делал, всегда разговаривал со мной свысока. И охрана. И остальная прислуга в нашем доме. А он уже второй раз опускается, чтобы можно было смотреть в глаза прямо, а не снизу вверх.

– Ну ч-что Вы, г-господин Эмин, п-просто с-споткнулась.

Врать я умела отлично. Сколько себя помню – всегда врала. Так было проще выжить в этом доме. Вот и сейчас при невозможности рассказать правду, солгала так легко и непринужденно, будто и действительно не было неприятной сцены с отцом. Только заикание выдавало.

А ещё я просто разомлела от того, как он обратился ко мне на «ты» без шуток про юную леди и как сократил моё имя. Полное мне всегда не нравилось. Оно было некрасивым и носить его должна взрослая женщина с красной помадой и тяжелыми духами в кожаной юбке – такая приходила иногда к отцу. А вот Эли... Это звучало мило.

И ещё.... Так было созвучно с Его собственным именем, что впервые я порадовалась звучанию своего.

– Сильно ударились?

Он участливо и цепко осмотрел меня с головы до ног. Слёзы от невероятного счастья уже высохли, поэтому солгать ему снова опять не составило никакого труда.

– Благодарю, господин Эмин, уже всё в порядке.

– Можно и просто Эмин, я не такой уж старый, – он светло улыбнулся, а в его глазах мне снова чудились золотые всполохи. И он ни капельки, конечно, не выглядел старым.

– Правда можно?!

Я была счастлива. Мы стоим вот так рядом, что кажется, мне ничего больше в мире не может навредить. И нечего бояться больше никогда. И я могу разговаривать с ним настоящим. И называть его просто по имени...

Невероятно! Настоящий подарок на день рождения!

– Элина, о чем мы с тобой только что говорили?!

Отец был в ярости, и я тут же вытянулась по струнке. Чувство спокойствия и защищенности прошло, как и не было. Напротив, я боялась уже, как бы он не навредил моему божеству.

– Прости, отец, – пискнула я и мышкой юркнула за широкую спину Эмина. А оттуда, тяжело вздохнув, – к остальным детям, праздновать свой праздник, нужный только моему отцу, а не мне.

К сожалению, столкнуться ещё раз с Эмином не вышло. А после того, как гости разъехались, отец вызвал меня к себе в кабинет.

Как же он орал в тот вечер!

Что я неблагодарная, невоспитанная, вся в мать. Хотя мать я и не знала вовсе – она умерла при родах, как мне сказали. И мне казалось, что отец любил её. Раньше. Теперь я не знала.

А в довершение лекции о том, что я должна держаться подальше от этих людей, отец наказал меня самым изощренным способом – он просто выбросил из окна второго этажа моего хомяка, которого за пару дней до этого подарил к празднику.

Просто вытряхнул его из клетки и снизу послышался тихий «шмяк» об асфальт. Он сказал, что я не заслужила порядок, раз не умею нести ответственность за себя. А у меня впервые тогда случилась истерика.

Я кричала, рвалась то к окну, то к двери – на первый этаж. Умоляла спасти его, отвезти к врачу, сделать хоть что-то. Сегодня вечером я назвала безымянного хомяка Эмином, хотя и не призналась бы в этом никому под страхом пытки.

Пытаясь меня успокоить, отец сначала бил по щекам, а потом за шкуру отволол в ванную и включил ледяную воду. Рыдания прекратились моментально, сменившись судорожными всхлипами и уже таким привычным заиканием.

– Глупая девчонка! Это ты меня довела...

Отец бормотал что-то себе под нос, а я лишь всхлипывала и пыталась отползти от душевой лейки подальше. Зубы стучали, руками я обхватила себя. Мокрая холодная одежда липла неприятно к телу. Но отец занимал собой весь проход из душевой, а пройти мимо него мне было страшно.

Я любила его. Наверное. Но сейчас боялась больше всего на свете.

В тот день я четко поняла, что никакой принц из сказки не придет спасти мою задницу ни из душевой с ледяной водой, ни откуда-либо ещё. И даже порой самые близкие люди могут причинять такую боль, которую не сможет причинить даже самый злой враг.

И пока я не могу защитить себя сама, брать ответственность за другое живое существо просто небезопасно.

Вот так в день своего семилетия я резко повзрослела.

Глава 4 Это был мой рай

Несмотря на этот инцидент, следующие почти шесть лет стали для меня практически сказкой. В том плане, что Эмин теперь приезжал к нам гораздо чаще.

Уж не знаю, что именно изменилось у отца в бизнесе, но эти партнеры стали очень частыми в его доме. Чему я была несказанно рада. И пусть мне не было дозволено общаться с Эмином больше, но я могла видеть его, наблюдать издали, иногда здороваться при якобы случайно встрече.

И я действительно чувствовала его приближение каждый раз. С закрытыми глазами могла сказать, в какой из многочисленных комнат он сейчас находится. Сидит или стоит у окна, хмурится и его лоб пересекает вертикальная морщинка, что чаще, или улыбается так, что уголках губ собираются небольшие лучики, а глаза светятся, что гораздо реже.

Понимаю, они с отцом и другими мужчинами решают там серьезные вопросы. Но как мне не нравилось, что это заставляет его хмуриться! И, наверное, я бы предпочла не видеть его таким.

Только это моё неожиданное умение предугадывать его появление и место нахождения было очень полезным. Ведь оно позволяло мне «совершенно случайно» оказываться у него на пути в своих самых лучших нарядах, с идеальной прической и всегда безукоризненно вежливой.

Как-то раз нам даже удалось завести разговор о погоде, пока его спутник не попросил их извинить и утащил его в кабинет, что-то сердито выговаривая. Не так, как мне отец, но все же очень похоже.

И снова мною овладело странное желание спрятаться за его спину ото всех этих злых людей, закрыть глаза, просто ощущая, что Он рядом и больше ни о чем не думать. А ещё напомнить ему, что никому не позволено так с Ним говорить. Даже если этот мужчина его отец.

Мой рай продолжался не так долго, как хотелось бы.

Училась я на «отлично», изучала два иностранных языка, а ещё были гимнастика, танцы, игра на фортепиано. Я идеально выглядела и вела себя, стараясь не досаждать отцу. И почти каждую неделю могла видеть Его.

Человека, который завладел моими мыслями. По которому я ужасно скучала, если не видела долго. С которым я так долго и много разговаривала. В мыслях. И перебрасывалась всего парой слов в жизни.

В своей голове я делилась с ним самыми тяжелыми секретами. Рассказала даже про несчастного хомяка Эмина. И про то, что украдкой от отца и прислуги, я сама похоронила его за гаражом. А сверху воткнула неприметный цветной куст, чтобы не забыть.

Я жаловалась ему на отца, если тот бывал слишком строг, на учителей и гувернанток, которые о каждом моем промахе докладывали тут же. И относились ко мне как приложению, а не самостоятельному человеку.

Но тем не менее я была счастлива, ведь пусть издали, но я могла Его видеть, чувствовать. А ещё спустя время научилась различать его запах – сложный, будто древесная кора с корицей и нотками лайма – одновременно и приятно, и терпко.

Это был мой любимый запах теперь.

Я даже парфюм подобрала похожий для себя чуть позже, когда потеряла Его из виду.

А случилось это уже после моего тринадцатилетия, на которое приехал лишь тот взрослый мужчина.

Он был явно зол и рассержен, кричал на отца и даже попытался ударить. Но когда охрана оттаскивала его прочь, то уже просто просил вернуть сына, умолял, обещал взамен что угодно. У меня сердце сжималось от всей этой картины.

– Хорошо, я верну тебе твоё отродье, пока не издох. И чтобы ноги вашей на моей земле больше не было, – отрезал отец, а меня будто под дых ударили.

Что если он говорит об Эмине? Что если отец сделал ему что-то?

Последние несколько дней я не находила себе места, вздрагивала, просыпалась по ночам в слезах. Но связывала это с тем, что Он не приходит больше, и я скучаю. Ведь так жизненно необходимо было видеть его хоть издали. И я думала, что в том кроется причина.

Только что, если отец как-то навредил Ему? Ведь я и сама думала, что Эмин – сын этого мужчины. Они немного похожи. Но хоть мой отец и был иногда очень жестким, не мог же он поступить жестоко по отношению к человеку, которого я люблю всей душой?

Или мог?

Я перевела взгляд со злого отца на того человека. Последний был избит, он сидел прямо на ледяном асфальте, даже не пытаясь встать. И встретившись со мной взглядом, мужчина прохрипел отцу:

– Придет время, и ты испытаешь то же, что и я сейчас. Ты будешь валяться у меня в ногах, только я тоже не пощажу.

Отец подал неуловимый знак охраннику и тот, подхватив мужчину, поволок его к гаражу. А сам заорал на меня, что появляюсь всегда не вовремя и второй раз в жизни дал затрещину.

Но на утро меня ожидаемо ждал ещё один подарок. А потом ещё. И ещё. Пока он не посчитал, что его совесть чиста, а моя любовь куплена.

Все эти вещи, ровно как и дом, как и прислуга – всё это было его. Не моё. Я с рождения была здесь чужой, неожиданной, нежеланной. И всегда чувствовала это.

Никто не баловал меня, не веселил, не шутил со мной, не играл. Учили, кормили, одевали, отвозили, обеспечивали потребности, дарили подарки. И всё. Никакой теплоты или заботы.

Я скучала по маме, просила показать её фотографии, когда была совсем маленькой. Женщины, что могла бы мне её заменить, рядом не было. Да только фотографию мне показали единожды – красивая женщина с серо-голубыми глазами и печальной улыбкой.

Ту нянечку, что показала фото, я больше не видела. Наверное, её просто уволили.

Отец сказал, что меня не должно волновать прошлое. А мать – это оно и есть. И больше никто никогда о ней со мной не заговаривал. Боялись. И я боялась.

Тянулась к отцу, ища в нем родную душу, и не находила. Хоть и прощала редкое рукоприкладство и обиды. Не за подарки, вовсе нет. Но он, наверняка, думал иначе. Я всё равно его любила тогда больше всего на свете. Пусть и понимала, что именно он виновен в том, что я выросла так рано и быстро.

И только с появлением Эмина моя жизнь наполнилась смыслом и настоящей радостью.

Те мгновения, что он пожимал смело протянутую мной руку, что улыбался мне тепло и открыто, что смотрел прямо в глаза и смешинки так и плясали в серых озерах – я коллекционировала их. Запоминала каждый, откладывала в отдельную шкатулку воспоминаний и смаковала наедине с собой.

Прокручивала раз за разом каждый жест, каждое слово. И наслаждалась, успокаивая себя в сложные минуты. Убаюкивая вечерами.

Это было уже не наваждение. Он стал моим постоянным спутником. В моей голове он находился рядом всегда.

Но с того дня больше я его не видела.

Иногда меня мучили кошмары, что Эмин заперт в какой-то железной коробке, ему плохо, он скребется по металлической стене и зовет меня. А я не знаю, где он, как его найти, что сделать, чтобы помочь.

Хотя готова жизнь отдать за него и его свободу. Он опускается на пол и жадно пьет воду из собачьей поилки. И мне больно видеть это, я тянусь к нему всей душой, и кажется вот-вот и я смогу... Но нить обрывается, сон прекращается, а я просыпаюсь в холодном поту.

Где же ты, мой Эмин...

Глава 5 Та самая ночь полнолуния

Ни на один день я не забыла о своём смысле. Пусть и не видела Его больше двух лет, продолжала разговаривать, делиться важным, желать доброго утра и надеяться, что Он жив и здоров.

Кошмары превратились практически в мои обычные сны. Несколько последних лет я принимала снотворное на ночь, а днем успокоительное. Сны, где Он бился о металл, скрёб по нему жуткими когтями и выл, а потом разрывал зубами каких-то незнакомых людей, море крови, жуткие кадры покалеченных тел пугали меня.

Особенно пугало, что делал это мой замечательный прекрасный Эмин... И он мучился. Я знала.

Отец заметил не сразу, что я замкнулась в себе, практически престала общаться со сверстниками. Под глазами пролегли тени, я стала бледной и в общем выглядела болезненной. Мысль о том, что дорогому человеку кто-то причиняет боль – в этом я была уверена, хоть и вроде бы повзрослела слишком, чтобы верить в вещие сны, мучила.

Но всё, что касалось Эмина, было для меня по-прежнему важным. А потому я верила и кошмарным снам, и тому последнему разговору на моем дне рождения.

Отец точно сделал что-то ужасное Ему.

Моей задачей стало выяснить, что именно. Я шпионила, подслушивала, следила. Старалась убегать от охраны, которая находилась со мной почти круглосуточно. Спасибо, что в ванную отпускали одну.

Охрану мне «подарил» отец тоже в тот самый день, посчитав, что я достаточно взрослая, чтобы иметь своих личных телохранителей. Которые ходили за мной в частную школу, по территории двора, а порой и в доме. Поэтому моя слежка была проблематичной. Я сильно переживала.

И как результат – несколько нервных срывов и постоянная медикаментозная терапия. Таблетки помогали, я правда успокаивалась. И даже в последний год перед тем, как исполнилось шестнадцать, стала меньше думать об Эмине, меньше видеть снов. Сама себя уговаривала, что это всё детские фантазии и совершенно глупая, необоснованная привязанность.

Возможно, он просто переехал в другой город, а я напридумывала невесть что. Да и почему я вообще обратила на него внимание? Вполне обычный молодой человек...

Некоторые телохранители отца обладают более выраженными мужскими качествами в плане внешности и, наверное, даже физической силы. Мне нравилось иногда в шутку подтрунивать над ними, делая комплименты или кокетливо стрелять глазками, наблюдая как выбранный объект покрывается испариной от страха за собственный зад. А мой отец, заметив, надрал бы его без раздумий. И я игралась. Развлекалась как могла.

Но даже в мыслях не могла себе представить что-то большее. Все молодые мужчины и даже одноклассники шарахались от меня как от чумной, зная, чья я дочь. И мне это устраивало. Отсутствие мужского внимания, какого-то тепла.

До той ночи.

Ничего не предвещало беды. Так же, как и всегда, я закинулась транквилизаторами и легла в постель. Закрыла глаза. И волны подходящего уже сна начали уносить меня вдаль, качая. Но тут я заметила очертания мужской фигуры.

Тот самый кошмар, в котором Эмин стоит за жуткой тяжелой металлической дверью и тянет ко мне руку сквозь маленькое оконце, снова появился спустя больше года, а то и двух. Я попыталась проснуться, но не смогла. Снотворное действовало.

Почему тогда кошмар?

Его безжизненные, но полные боли серые глаза с оранжевыми всполохами смотрели мне прямо в душу. Грязная широкая ладонь тянется ко мне с такой надеждой, будто если я её приму, то изменится кардинально всё. И сегодня я не находилась не понятно где за тысячи километров, не имея возможности помочь, а была прямо тут – у двери.

Обдумав всего секунду, я решительно протянула ему свою руку, которую он крепко сжал и потянул на себя. А затем началось то, о чём вспоминать без стыда просто невозможно.

Как так вышло, что детский выдуманный друг сегодня во сне так порочно прикасается, раздевает, точнее – рвёт на мне одежду, ласкает моё ещё даже ни разу не целованное лицо и тело... Это было просто сумасшествие.

Затянув за руку меня внутрь страной пугающей меня коробки прямо сквозь дверь, как в сказке, Эмин... Как же стыдно! Разорвал на мне одежду, жадно покрывая поцелуями каждый новый сантиметр моего тела, трогая, поглаживая, сжимая в крупных ладонях мою ноющую грудь.

Была ли я против? О, нет. Скорее сложно понять, кто из нас инициатор этого всего.

Я отвечала со всей страстью, на которую только была способна. И первая потянулась к его сухим губам. Поцелуй вышел горячий и изматывающе-долгий. После него нам пришлось взять тайм-аут на пару секунд, чтобы восстановить дыхание, а потом кинуться в омут с головой снова... И какой это был омут!

Я проснулась в поту от собственного стога. Одежало сбилась, между ног горячая пульсация. Никогда раньше не трогала себя там. Но сегодня...

Желание было настолько сильным, я как наяву ещё ощущала Его руки на себе и попыталась повторить то, что он делал только что, сама, представляя Его...

Понадобилось пару секунд, чтобы пульсация усилилась настолько, что едва сдержала громкий стон.

Вовремя заткнув рот подушкой, лишь тихонько хныкала, пока потрясающе мучающее и одновременно приятное чувство не прошло. Только бы никто не догадался, что я сделала. Если кто-то когда-то узнает об этом, я умру от стыда.

Тяжело дыша, вышла на балкон прямо в спальном комплекте. Теплый ветерок развеивал мои рыжие волосы, приятно охлаждая горящие щеки. Глубоко вдохнула вечерний свежий воздух и подняла голову вверх.

На темном небе желтым пятном зияла полная луна.

Глава 6 Не мой дом

Следующие два года каждый месяц в полнолуние мне снился такой же сон. Только каждый раз Эмин делал со мной всё более и более развратные вещи. Несколько раз во сне мне самой удалось потрогать его... *там*.

Это было волнующе и приятно.

Я всегда просыпалась возбужденная и доводила себя до разрядки, представляя Его руки и не только руки, вытягиваясь в струну, стискивая до судорог бедра и зажимая себе рот, чтобы не кричать. Потом сама себя же стыдила, смущалась.

Однако через месяц история повторялась и отказать себе в этом удовольствии снова не могла.

Зато и в остальные дни теперь, и в эти тем более, мне не были нужны больше снотворные. Я не говорила никому, но дозу транквилизаторов стала снижать постепенно. Тоже сама. А как можно было бы объяснить мое внезапное исцеление? Лучше пусть думают, что я ещё больна, чем придётся признаться в правде хоть одной живой душе...

К тому же я вернулась к своим шпионским играм. Более тщательно следила за отцом, снова подслушивала и пряталась от охраны. Они, привыкшие, что часто проводила время в одиночестве, раскачиваясь из стороны в сторону, не всегда даже искали. Зная, что ничего интересного не найдут, а как надоест – выйду из какого-нибудь гостевого туалета или душа сама, благо комнат в доме больше десяти. И это было только на руку.

Именно так я выяснила, что отец работает над каким-то супер-препаратом, который несколько раз был уже опробован и вполне успешно и в ближайшее время будет пригоден для использования на рынке.

– Эти твари у нас ещё попляшут, – злорадно потирал он руки, а я продолжала слушать какую-то бессмыслицу про луну, про захват чужой земли и положительные испытания по разделению.

Понимала мало, если не сказать – ничего. Но это же я только недавно вернулась к своей миссии, забытой больше чем на год из-за пичканья таблетками. Словно они вычеркивали из моей жизни человека, который сам того не ведая, стал её смыслом.

И вот теперь, когда Он вернулся в мою жизнь, или вернее – в сон, самым неожиданным образом, я вновь желала его найти. Помочь чем-то, если это возможно.

Или хотя бы просто увидеть ещё хотя бы раз те самые серые омуты, что опаляли меня страстью по ночам. Единожды в месяц. Но так реалистично.

Он не говорил со мной во сне. Только шептал что-то непонятное, неразборчивое, но чаще целовал, трогал, гладил, а иногда...

При одной мысли щеки краснеют. В своих снах я принадлежала Ему. Была Его женщиной. И не описать словами, как же я желала, чтобы это произошло и на самом деле. Но тут я обычно усмехалась.

Ведь может быть Эмин благополучно живет где-то далеко, уже давно забыв «юную леди», что смотрела на него с обожанием. Может он даже женат, у него могут быть дети. А я пытаюсь разыскать как дура.

Но потом убеждала себя, что посмотрю только одним глазочком тогда, и сразу исчезну из его жизни. Не стану мешать. Просто найду, увижу, что с ним всё в порядке и всё. Не более.

И порой мне удавалось себя обмануть, что смогу не заговорить, просто пройдя мимо, что не стану никогда навязываться и смогу уйти от самых желанных в мире объятий.

И я маниакально искала о нём хоть какую-то зацепку, теряя осторожность, забывая о том, чьей дочерью я являюсь, в чьём доме живу. А забывать этого явно не стоило.

Подслушивая за дверью очередной телефонный разговор отца, я не ожидала, что речь пойдет о моём замужестве. Отец говорил о том, что кандидатура его устраивает вполне, и договаривался об условиях, словно речь шла об обычной сделке, а не жизни его дочери. Словно шаблон какого-то ужасного фильма... Я была так ошеломлена, что не заметила, как разговор прекратился, а шаги приблизились в дубовой двери.

– Элина! Войди.

Первой реакцией было – убежать, притвориться, что ничего не знаю, не слышала. Но отец бы всё равно послал за мной. Только рассердится больше. Поэтому, стиснув зубы, я вошла в кабинет.

– Кто из всех высокооплачиваемых преподавателей и гувернанток научил тебя подслушивать, скажи на милость?

Взбешенным он не выглядел, просто недовольным.

– Это вышло случайно, отец, – я немедленно опустила глаза, демонстрируя раскаяние и покорность. Привыкла подстраиваться под его настроение.

– И все предыдущие случаи – тоже случайность? – он поджал губы. – Или ты считаешь меня дураком?!

– Конечно нет, отец. Не считаю, – жестоким эгоистом, холодным, расчетливым и беспринципным человеком, самым ужасным отцом – да, но не дураком.

– Тогда почему, скажи на милость, ПОЧЕМУ, ты мне врешь?!

Он пальцами больно сжал мой подбородок и поднял его так, чтобы мне пришлось смотреть в его злые глаза.

– Изворачиваешься, врешь, шпионишь, ведёшь себя как воровка в собственном доме!

– Прости, отец, – и снова неудачная попытка отвести взгляд.

Не вышло. Но и перечить нельзя. Только извиняться и делать, что скажет. Тогда может наказание не будет очень плохим. Только синяк на лице.

Вот бы так.

– Прости, отец, – передразнил он, – завела пластинку. Каждый раз одно и то же! Чтобы не извиняться, не нужно изначально поступать неправильно! Разве я не говорил тебе?!

Хватка на подбородке усилилась, и на моих глазах выступил слезы.

– Говорил. Я всё помню...

Осеклась на полуслове от того, что он орет мне в ухо, забрызгивая щеку слюной.

– Так если говорил, то какого хрена ты лезешь, куда тебя не просят?! Мало я тебя воспитывал?! Вырастил на свою голову!

«Мало, – подумала я с мысленной усмешкой. Настоящую себе позволить не могла. – Вообще разве ты меня воспитывал, отец? Или нанятые тобой люди? Да и воспитывали ли? Кроме знаний по их предметам научилась ли я чему-то? Ах да. Врать, изворачиваться, чтобы попадало меньше. Ни на кого не рассчитывать. Никому не верить. Ни к кому не привязываться. Потому что привязанность – это сама большая слабость. Об этом напоминала маленькая могилка под кустом за гаражом. Спасибо за воспитание, отец».

– ЧТО ТЫ МОЛЧИШЬ?

Он продолжал орать, а потом с размаху залепил мне пощечину. Не самую сильную. Или просто я подросла. Даже не упала, просто отшатнулась, облокотившись на дверь.

– А впрочем, – неожиданно после этого, созерцая расплывающееся на моем лице красное пятно, почти спокойно продолжил он, – даже хорошо, что ты слышала. Я выдаю тебя замуж. Через два дня на празднике в честь твоего дня рождения познакомишься с женихом. Это мой тебе подарок на совершеннолетие. Сын моего партнёра, проверенный человек, чуть старше тебя, но это хорошо. С мозгами. Может и тебя чему научит.

– Отец, я не хочу замуж, – держать голову прямо, а не утыкаться в пол стоило половины моей выдержки. Вторая ушла на то, чтобы встретить глаза в глаза разъяренный взгляд отца.

– А я тебя спрашивал, чего ты хочешь?! Кого тут вообще интересует твоё мнение?! Кто тебе позволял рот открывать в моём доме?! – он хлестнул меня ладонью по губам, скорее обидно, чем сильно, но тут же во рту появился металлический привкус.

Я не двигалась, почти не дышала, чтобы не провоцировать.

– Послезавтра будешь счастливой невестой. ПОНЯЛА?! Послушной. И счастливой. Тебе ясно?!

Вот как. Наконец-то ты сказал правду, отец. Это *твой* дом. Не мой. И ничего моего тут нет. В этом доме *никого* не интересует мое мнение. И никто *не позволял* мне иметь собственное мнение, собственные желания, нужды. Всё должно быть по плану. Четко. Строго. И никак иначе. Я всего лишь функция, пазл, ячейка. Не больше. Просто играю свою роль. А стоит выбиться из неё... Крах.

И неважно, растянута ли у меня икра на гимнастике, ударила ли я мизинец перед занятием по фортепиано. Каждый раз учитель сообщал отцу, что я не занимаюсь в полную силу. И вечером меня ждало наказание в виде нескольких часов самостоятельных дополнительных занятий под надзором гувернантки.

И не приведи небо, ей покажется, что я недостаточно усердна. Наказание могло длиться и всю ночь. И сутки. И действительно никого не интересовало мое здоровье, боль, страх, одиночество.

Одиночество...

Не от него ли я выдумала ещё в детстве себе щит – друга, что всегда рядом, одарив его внешностью и чертами знакомого отца? Что я на самом деле знаю о том человеке? Что иногда он был мил с маленькой девочкой? С чужой – да. А может дома он становится таким же садистом, как мой отец, со своей дочерью.

Нет уж. Если у меня когда-то будет ребенок, то пусть это будет мальчик. Чтобы он мог вырасти сильным и защищать себя. Девочке это удастся очень плохо. К тому же мальчика с меньшей вероятностью отдадут замуж за нелюбимого и наверняка такого же жестокого мужчину, как мой отец.

– Снова витаешь в облаках, Элина! Даже во время серьезных разговоров!

– Прости, отец. Я поняла.

– Вот и отлично! Отправляйся к себе, умойся, приведи в порядок и жди жениха послезавтра. Чтобы вот этого всего, – он небрежно очертил в воздухе мой подбородок и щеку, – не было.

Я выскользнула за дверь, твердо решив, что больше мне нечего ему сказать. Он не услышит. Словно биться в бетонную стену. Нужен план «б». И на него у меня всего два дня. Точнее уже полтора, если считать, что сегодняшний идет к концу.

– Не забывай про таблетки! – донесся голос мне в спину.

Не забуду, отец.

Глава 7 Спасибо

С колотящимся сердцем я залетела в комнату и дрожащими руками заперлась изнутри. Уселась на кровать и началась раскачиваться из стороны в сторону, стараясь успокоиться. Истерика накатывала, глаза уже не видели из-за слез, а успокоиться никак не могла. Если приму таблетки, снова стану послушным и безвольным овощем без чувств и желаний.

Нужен другой способ...

Сегодня не полнолуние, но всё же. Если он зовёт меня, когда на небе полная луна, то неужели я не могу позвать его сейчас – когда мне больше не хочется жить? Решившись, вышла на балкон и подняла глаза к вечернему небу.

Молодой месяц задорно выглядывал из-за темной тучи. Вот к нему я и обратилась.

– Мне всё равно, что я выгляжу сумасшедшей и разговариваю с тобой. Всё равно, что не верю в магию и прочую дребедень. Волшебство меня явно не спасет. Я просто хочу успокоиться. А единственный способ сделать это – Он. Я не хочу говорить с ним наяву, не веря, что услышит, как в детстве. Хочу снова чувствовать, видеть. По-настоящему. Как бывает раз в месяц. Пожалуйста....

Небо не подало никаких знаков. Но я развернулась на пятках и вошла в комнату, готовясь к странному свиданию. Улеглась на постель и крепко зажмурилась, мысленно умоляя Его прийти.

И Он не подвёл. Оказался рядом, налетел вихрем, закружил, зацеловал. Стер следы крови с моего лица, нежно огладил губами каждый синячок. Обнял надежно, словно не отпустит. Уложил, как маленькую, на свои колени, начал баюкать безмолвно. Только красивые губы шевелились. Но я чувствовала тепло рук, сильного тела, которое закроет собой от боли и бури.

А буря будет.

Потому именно сейчас, в его объятиях, я поняла, что свадьбы не допущу. Я или сбегу, или сделаю что-то ужасное... Но не позволю никому другому прикоснуться ко мне. Пусть Эмин и не касался так, как сейчас, в жизни. И возможно этого никогда и не произойдет, но и с кем-то другим, чужим, я не буду.

Продолжая заморожено наблюдать за своим любимым, я действительно окуналась в безмятежный, спокойный сон. Почему не делала так раньше? Почему не звала его? Только ждала с нетерпением той самой ночи. Но не догадывалась, что тоже могу позвать. Или это розовая игра моего подсознания?

Хорошая игра. Вот бы она продолжалась вечно.

Только, к сожалению, утро наступило. Солнышко светила аж до раздражения ярко и весело, будто не понимая, что сегодня не мой день рождения, а праздничные похороны. Что ж. Кажется, у меня и план «С» имеется.

Итак. Плану «А», т.е. плану отца я следовать не планирую. Вновь отыграть свою роль на отлично, чтобы получить очередную безделушку? Или в этом году жених – это весь подарок? Да нет. Он нагрубил. А значит, будет ювелирка. В любом случае. Продавать мне её, что ли? Ладно. Неважно.

Прийти на праздник мне придется, как и познакомиться с женихом. Сделать вид, что я счастлива, наверное, смогу. Но не буду. Хватит. Как и замазывать синяки на распухшем лице. Просто приду и буду безукоризненно вежливой. И может жених сам откажется от такой долбанутой невесты, и пока отец не найдет новую партию, придумаю что-то ещё.

А вот если нет, то когда все будут увлечены праздником... Я сбегу. Из этого чужого дома. От этих чужих людей. Возьму одну из машин охраны (благо обучение в автошколе мне тоже оплатили и даже купили собственное модное авто, за руль которого так и не пустили). Проеду

через пропускной пункт незамеченной из-за тонировки. А если заметят, то дам по газам и постараюсь скрыться. Буду бороться до последнего.

Возьму лишь сменную одежду с бельем, гигиенические принадлежности и немного налички. Остальное здесь всё равно не моё. А телефон – мало того, что можно отследить, так еще и звонить мне все равно некому. Как и переживать за меня.

Ну а план «С»...

Я открыла один из своих многочисленных медальонов и ссыпала туда почти горсть транквилизаторов. «Строго по одной капсуле в день, не больше, возможен летальный исход,» – гласила инструкция. Что ж. Спасибо, дорогой психиатр.

Мне не страшно было почти. Без смысла. Без надежды. Если бы в мире действительно существовал тот Эмин, которого я себе придумала. Я бы боролась до последнего вздоха. Но Его нет. Он только в моих мыслях. В моем сердце. А в жизни...

Где бы Вы не были, господин Эмин, я желаю Вам счастья и от всей души благодарю за то, что появились в моей жизни. Только воспоминания о Вас, реальные и выдуманные, и даже эти сумасбродные непотребные сны – только это и было моим смыслом, ниточкой, что удерживает на поверхности. Теперь я выросла, и понимаю, что мои грёзы и настоящая жизнь сходятся очень не очень. А потому вполне возможно, что это мои последние Вам слова...

В области сердце кольнуло, и я погладила его ладонью.

Жаль, детство закончилось. Раньше после школы и всех своих занятий я приходила сюда и мечтала. О том, как буду говорить с ним, играть. Потом – танцевать, разговаривать. Потом – делиться сокровенным и утопать в Его объятиях. А потом... целовать, так бессовестно касаться любимого, хоть и выдуманного, тела, плавиться в его руках, под его губами.

Спасибо, что сегодня ночью я выспалась, а не билась в истерике. Спасибо, что позволили так долго дергать Ваш образ, чтобы не сойти с ума. Спасибо, что подыграли, пусть и не зная, в любовь. Взаимную, огромную, страстную и нежную. Настоящую.

Спасибо, господин Эмин.

Глава 8 План «Б»

Я надела самое удобное из всех своих вечерних платьев. Закрытое, но нарядное. Длина миди идеальна в носке, особенно с учетом вполне свободного кроя.

Рюкзак заранее собран и оставлен у могилки хомяка. Как бы не было глупо, но я даже попросила его помочь мне. И сохранить эту тайну, пока не сбегу. Он не ответил. Это радовало. В противном случае, таблеточку мне бы пришлось принять.

Посмотрела на себя в зеркало. Красивый макияж глаз, аккуратная прическа и тонкая подвеска на шее, которую передал сегодня утром отец с горничной, как нельзя лучше подчеркивали огромный синяк во всю скулу и припухшую разбитую верхнюю губу. Особенно хорошо стало, когда я скосырнула корочку ранки, «освежив», так сказать, образ.

О, в таком виде партнеры отца еще не видели его дочь. А он даже не подумал зайти и проверить, как я после вчерашнего. Ну что ж. Если что, скажу, тоналка кончилась, а другую купить не успела.

Пора.

Гордо подняв подбородок, я, не торопясь, спускалась в общий холл, где уже собрались гости. Всё внимание было обращено на меня. Журналисты защелкали затворами камер, дамы прикрыли свои напояженные ротки перчатками. Мужчины смотрели с осуждением. Очевидно, все понимали, что прикоснуться ко мне мог только один человек. Любой другой был бы уже мёртв.

Отец налетел сбоку.

– Какого хрена ты творишь?! – шипел мне в ухо, больно сжимая локоть в тисках.

– Спасибо, папочка! И я тебя поздравляю со своим днём рождения! – продекламировала громко я и наигранно улыбнулась в камеру.

– Упала вчера случайно, – развел он руками, и тоже извиняющееся улыбаясь, позировал, объясняя журналистам и гостям. А мне в ухо другое. – Поговорим позже.

И только я собиралась слинять в толпу, а за ней и в рассвет, как рядом очутились два очень похожих человека. Черные, как смоль, волосы, едкая усмешка на губах, цепкий взгляд. Высокие, статные. Злые. Отталкивающие. Разница была лишь в возрасте. В остальном – под копирку.

– Элина, позволь представить тебе будущего мужа. Атаман, – отец указал на того, что моложе. А мои нервы сдали, и я прыснула:

– Реально такое имя?

– Да, Элина. Я тоже рад знакомству, – как зубы не стёр. Я же слышала, как они скрипели.

– Прошу простить, она еще не оправилась после вчерашнего несчастного случая, а ещё сегодня праздник, помолвка, волнительно, – пальцы отца на локте сжались сильнее.

Это отрезвило.

– И я приношу свои извинения. У Вас очень необычное и красивое имя. Отец полностью прав. После вчерашнего голова ещё гудит, может быть сотрясение, мы не успели доехать до больницы, – намеренно не говорила, что именно произошло.

Не хочу врать. И так ясно. А вот взволнованный взгляд отца поймала. Что, испугался, что в обморок хлопнусь при всех? Подожди, то ли ещё будет.

– Мне жаль, Элина. Если желаете, я немедленно провожу Вас до врача. Пригласим нашего семейного, если Вы себя плохо чувствуете.

– Ну что Вы, не стоит беспокоиться. Думаю, через пару дней всё пройдет. Просто пока мне нужен покой. Если Вы не против, то я удалюсь на свежий воздух, что-то подташнивает...

– Я составлю Вам компанию, – жёсткий взгляд оценивающе прошелся по моей фигуре.

– Ох, не стоит, Атаман. Я буду чувствовать себя неловко, Вы ведь приехали веселиться. Так выпейте за моё здоровье. Развлекитесь. Как только мне станет лучше, я немедленно присоединюсь к Вам, и мы сможем продолжить знакомство.

– Желание дамы – закон, – церемонно кивнул он. И по его тону я поняла, что это мое первое и последнее желание, которое для него – закон.

Улыбнувшись и стараясь не бежать, шла к выходу, принимая прямо на ходу поздравления, какие-то небольшие пакетики, взяв в руки шампанское, чтобы не вызывать подозрений. Пусть думают, что обижена на отца за рукоприкладство, вот и решила праздновать в одиночестве на улице, заодно он подзадержится объяснять каждому, что мое лицо – это исключительно случайность и форс-мажор.

Фух.

Выдохнула, добравшись до гаража и подхватив рюкзак. Цел. Возможно, мне еще удастся выбраться отсюда живой. Юркнула на подземную парковку. Осмотрелась. Так.

Выбрала максимально неприметную машину и направилась к ней. Не помню такую у нас, правда, но выглядит просто, без пафоса, не привлекая внимания. Возможно, новый обслуживающий персонал на банкет на ней приехал. Неважно. Главное, что на такой много добра не вывезешь, поэтому оставалась надежда, что пропустят без вопросов. Натянула кепку на лицо. Ну должно же мне повезти...

Половина плана уже удалась. Я сбежала, заняв на время моего отсутствия отца. Нашла машину. Даже ключи в ней. Это же отлично! Забралась внутрь, завела. Прекрасно. Осталось только спокойно выехать с парковки, предъявить пропуск – он удачно лежит прямо на водительском сидении.

О, спецовка. Её и накину. Козырек кепки надвинула до самого носа, видны только губы с синяком.

Ехать медленно, а не давить на газ было, прямо скажу, сложно. У меня аж кончики пальцев покалывало от волнения, а ещё тошнило. А может от голода, я так и не успела перекусить сегодня. Лишь пара глотков шампанского бултыхается в моем желудке.

На пропускном пункте опустила голову, протянула пропуск, но тут охранник что-то спросил, а я от волнения и не расслышала, что именно. На помощь пришел мой голодный желудок. Он издал громкую до неприличия трель. Хорошо, если она не всполошила гостей в доме. Ну очень громко. Охранник рассмеялся.

– Да, сестрёнка, вам, горничным тяжело. Весь день пашете, поесть некогда, под вечер вот уезжать с праздника голодной, а завтра небось снова на работу?

– Мгм, – я улыбнулась, не поднимая глаз, закрытых кепкой.

– Проезжай, сестрёнка, приятного аппетита на ужине.

Здесь я уже молча плавно нажала на газ, всё ещё сдерживаясь. И только за поворотом выжала педаль до упора.

Ну неужели мне и правда так повезло?!

Глава 9 Не повезло

Вслух радуясь внезапной фортуне, я гнала по трассе, когда услышала над ухом хриплый ехидный голос:

– Вот тут тормозни, сестрёнка.

И если бы не запах псины изо рта говорившего и что-то твёрдое и холодное, тыкающее меня в бок, я бы приняла всё за слуховую галлюцинацию. Резко выкрутила руль вправо и остановилась, боясь пошевелиться, лишь в зеркало заднего вида наблюдая за тем, как неторопливо здоровенный мужик потягивается на заднем сидении, лениво тыкая в меня дулом пистолета.

– К-кто вы?

– Фея, – начал ржать он, – фортуна твоя! Так бормотала, пока выезжала? Считай, я золотая рыбка, бля. Не ну надо же. Сама села в мою машину, завела и уехала. А я голову ломал, как тебя затащить сюда. А оно вон оно что, – закончил он глубокомысленно.

– И зачем меня тащить?

Уже немного приходила в себя. Он явно знал, кто я, и собирался затащить в свою машину. У него оружие. Значит, меня хотели похитить – ясно как дважды два. Но в машину к похитителю я забралась сама, еще и вывезла его из собственной крепости. Теперь никто и не подумает, что я не сама. И искать будут сбежавшую, а не похищенную. На КПП за рулем была я, это выяснится быстро. Охранника жалко. Но своя рубашка, как говорится...

Только как так вышло, что из сотни машин на парковке я села в эту?! Досада прям взяла, пока не поняла очевидного – только мы двое на той парковке думали о том, чтобы не привлекать внимания на выезде и на дороге. Вот и сошлось. Это даже не злой рок и не шутка судьбы, просто логика.

И ещё вот о чём она мне говорит.

Мужик не убил меня сразу, как остановилась. Если бы цель была в этом, то мне наоборот стоило разогнаться максимально – так бы точно не выстрелил, иначе вместе бы отправились на тот свет. Значит, нужно что-то другое.

Выкуп? Вполне возможно. Тогда как они его получают, попробую попросить не отдавать меня обратно отцу, а выпустить где-нибудь в городе. Хотя он без маски. Обычно в таких случаях отпускать вообще никуда не планируют...

Это плохо.

– Слышь, я вижу, как скрипят твои мозги, но объяснять ничего не собираюсь. Сейчас медленно вылазь из-за руля. Но сначала вот это надень, – наручники.

А вот это очень плохо. Медленно надеваю.

– Может хотя бы объясните....

– Теперь пересаживаешься на пассажирское впереди. Давай. Без глупостей, у меня приказ стрелять, если что. Убить – не убью, но покалечу.

А это значит, пока нужна живая. Пытать будут вряд ли. Все знают, что я в дела отца не допущена. Просто картинка красивой семьи. Значит, выкуп. Прям от сердца отлегло.

Попробую быть послушной и терпеливой. Перелезла, стараясь ничем не спровоцировать стрельбу, за что получила одобрительный хмык.

Затем мужик вышел на улицу и сам сел за руль. Соображает, что угрожать мне за рулем не выгодно. Не такой тупой, как сначала показалось.

– Если не хочешь кляп, то молчи, – предостерег, увидев, как я открыла рот спорить.

– Мне просто в туалет надо, – я скромно опустила глазки, включая дурочку.

Не проканало.

– Я предупреждал.

Мое сопротивление было сломлено сразу же, с рот запихан какой-то кусок материи, сверху перевязан не более чистым лоскутом и завязан прямо очень туго на затылке. Теперь даже со свободными руками вряд ли смогу развязать, а тут наручники.

И мы отправились в путь. Я смотрела во все глаза, пока мешок на голову не догадался надеть, старалась запомнить дорогу. Только вот мешок не был предусмотрен, дорогу он и не скрывал. А это значит... Что он уверен, эти знания мне ничем не помогут.

И снова плохо.

Даже если выкуп заберут, то меня выпускать вряд ли кто-то собирается. Как и держать в заточении, ведь тогда вероятность побега всё же есть. Значит, моя кончина должна произойти в другом месте.

В заброшенном цеху посреди поля, судя по тому, куда мы приехали.

Внутри всё похолодело. Если бы не кляп, я бы успела из кармана достать и сглотнуть таблетки. Так хотя бы гарантированно не больно. Сейчас же...

Даже не знаю, что со мной собираются делать. А они точно знают, кто я, ошибки быть не может. И не собираются оставлять в живых.

Ещё сегодня утром сама тоже рассматривала вариант умереть. Но какой-то неприметной тихой смертью, а не в лапах здоровенных псов, нанятых для моего похищения. Почему псов, а не «пса»? Так из ангара вышли ещё двое и с неприятными ухмылочками пошли к нам.

Желудок свело от неприятного предчувствия. А может стоило сидеть дома и изображать послушную дочь? Ради чего этот фортель вообще? Я даже не умею жить на свободе. Никогда не пробовала. Теперь может и не попробую.

Ах да, Эмин... В душе загорелась искорка тепла.

«Мне жаль, что мы так и не увидимся с Вами. Жаль, что я закончу свою никчемную жизнь так бездарно. Ничего не сделав, даже не познв толком. И не увидев Вас напоследок... Вот бы хоть одним глазочком...»

В сложных ситуациях многие молятся. Мне же молитвы не помогали как-то. А вот монолог с Эмином помогал всегда. Как бы тяжело не было. И сколько бы мне не было лет. Я словно чувствовала его рядом. И пока меня волокли в ангар, ведь от страха идти я не могла, продолжала про себя тянуться к единственному моему источнику тепла и света в этом аду.

«Ну ничего, я справлюсь. Со всем, что бы не произошло сейчас. Буду думать о том, что после я попаду на небо, и оттуда смогу наблюдать за Вами. Видеть Вашу улыбку, Вашу жизнь. Пусть без меня, это неважно. Если Вы счастливы – то и я тоже...»

Глава 10 Снова не повезло

- Хозяин тут?
- Да, сразу к нему её.
- Ок.

Мои похитители затащили меня в один из цехов и небрежно кинули на скамью, на которую я свалилась, благополучно ударившись головой. И только после этого смогла кое-как подняться, чтобы сесть.

Трое, что притащили меня сюда (на одну прям даже многовато, на себя посмотрите, ребят, и на меня, не перебор? От одного-то фик убежишь), стояли неподалеку. А вот совсем рядом...

Высокий, даже симпатичный мужчина. Незнакомый. Взгляд, пронизывающий до костей, звериный какой-то. Хотя и не злой. Скорее безразличный и пренебрежительный.

Он продолжал меня осматривать, презрительно кривя губы.

– Так вот ты какая, дочь этой падали.

«Что бы тебе не сделал мой отец, я не в курсе. И я не виновата. Сама от него сбежала».

– Мне сказали, ты сама деру дала. Да так удачно в нашей машинке. Судьба, – он развел руками, – значит, дело мое правое.

Я могла лишь прожигать его взглядом, который уже наполнялся слезами. Ответить-то никак.

– Ну-ну, не реви. Это не поможет. Мне плевать, виновна ты или нет, причастна или нет. Ты – его дочь. И ты заплатишь за папочку. Может, всё пройдет быстро. Может, долго и медленно. Я не знаю. Вершить суд буду не я. Если твоя душа чистая, то пусть луна поможет тебе умереть быстро. Хотя до этого... получалось как-то всё медленно...

Он нехорошо усмехнулся, а мне в голову полезли разные варианты, как можно убить медленно. Кожа покрылась мурашками, живот опять скрутило. Может меня четвертуют, или будут частями отрезать куски от тела, или пустят кровь, или... Как же жутко! Что ещё могут со мной медленно сделать четверо здоровенных мужиков, я даже думать не хотела. Нет. Не буду. Иначе умру от разрыва сердца...

Или может и стоит довести себя до приступа? Они не знают, как это вылечить, а в припадке сердце может легко остановиться...

Видимо что-то такое увидев в моем лице, это главный, как я его прозвала мысленно, мужчина плеснул мне в лицо ледяную воду из стакана. На улице не было прям сильно холодно. А вот здесь, в огромном пустом помещении без окон – очень.

Эх, план был хороший. Только теперь меня трясло от холода, а сознание вернулось на место – приступ так спровоцировать не выйдет. Ладно, может ещё успею испугаться.

– Знаешь, я даже не хочу тебя запугивать, потому что ты вроде как не при делах, – словно мысли читает, урод, – но и сказать, что бояться тебе нечего тоже не могу. Мы, – он окинул взглядом своих помощников, – тебе ничего не сделаем из того, что ты сейчас напридумывала. Отдадим тебя на усмотрение существа, которое создал твой отец.

В моих глазах отразилось недоумение, наверное, потому он решил пояснить.

– Да, твой отец возомнил себя Богом, тем, кто может вершить чужие судьбы и решать, кому жить, а кому нет. Я хочу отдать его единственного ребенка тому, кого он создал, и когда эта тварь тебя разорвёт, как разорвала всех остальных – отправлю видео с твоими воплями твоему папочке. Будет хороший подарочек. Может хоть так в его мозгу что-то шевельнется.

«Тварь? Он, что, новые породы животных выводит в свободное время? Я только о препаратах слышала. Если там животное, то может оно не захочет меня разрывать? Я хомячков люблю вот».

– Я вижу, что это пугает тебя меньше, чем то, что ты подумала изначально. Но мы не изверги, хоть и звери, – он усмехнулся, а в глазах мне почудился оранжевый всполох. Вот не время для галлюцинаций. – Моя б воля, ничего этого бы не было. Но он распоясался, выводит свою дрянь на рынок, чтобы уничтожить нас. А брат... то есть эта тварь совсем в последние дни съехала с катушек, вскоре мне придется её пристрелить. И лучше до этого использовать так, как завещал мой отец.

«Его отец завещал отдать меня на растерзание какой-то твари?!»

– Да, ты не понимаешь ничего. Но и тратить время на рассказ я смысла не вижу. Ты могла бы вырасти обычной девчонкой, если бы родилась в обычной семье. Но тебе не повезло.

– Итак, – это уже обращаясь к своим питекантропам, – тащите её в клетку. И снимайте всё. До последнего писка. Хочу, чтобы он увидел. Прочувствовал. Живо!

Трое одинаковых с лица тут же подхватили меня на руки, кто за что, как только не разодрали сами, и кинулись прочь из пустого холодного цеха. В моем мозгу всё ещё стучало: тварь, клетка, каждый писк, когда нам в спину прилетело всё тем же властным голосом:

– И уберите кляп, теперь он уже не понадобится, – мне удалось поймать его безразличный взгляд. Под ложечкой засосало. Ну да, каждый писк должен быть слышен на записи.

Мы шли недолго, и на удивление, никто меня не лапал, не отпускал сальные шуточки или что-то такое. Почему-то я боялась этого едва ли не больше, чем невиданной твари, что должна меня разорвать.

Наоборот, мужики как-то похоронно молчали, будто самим не по душе делать то, что собираются. Что же там за монстр, что они меня жалеют вроде? Неужели то существо действительно так жестоко убивает?

За поворотом показалась огромная железная ну типа коробка что ли с дверью, в которой сверху было небольшое окно. Кажется, я видела нечто подобное раньше... Вот только где? Изловчившись, заглянула страху в глаза, точнее в спину. В ней стоял довольно высокий сгорбившийся человек. Размером, наверное, чуть больше, чем эти трое здоровых. Он тяжело и шумно дышал.

Но если там человек, то как его мог создать мой отец? Может он не станет меня убивать? Может мне удастся с ним договориться?

Мне развязали рот, жестом показав, что лучше не говорить ничего и в ту же минуту втолкнули в приоткрытую дверь. Та тотчас захлопнулась с противным визгом за моей спиной. Послышались звуки, как приводят в действие сразу несколько запоров. Зачем? Я и без них эту металлическую махину не открою.

Вдохнула, выдохнула.

– Малой, ты на камере. Сам всё слышал. Каждый писк. Мы пошли.

– Почему я сразу?

– Потому что ты малой, а меня щас вывернет, как всегда.

Послышался звук удаляющихся шагов и громкий вздох одного из тюремщиков – того, что остался снимать. Не заметила, что кто-то из них младше, или чем-то примечательно отличается от остальных.

Но мне не об этом нужно думать.

Глава 11 Встреча века

Я стою в огромной жестяной коробке, в углу старая металлическая кровать и порванный грязный матрас. На вид запачкан... кровью. Солома на полу как в загоне для животных. И пятна. Огромные бурые пятна вокруг. На потолке, на полу, на стенах... На двери больше всего... Наверное, к ним жмутся большинство жертв.

Соображала с поразительной ясностью, даже страх куда-то ушел. Это же человек. По сравнению со мной большой, хотя больше широкий, мускулистый, но разумный же. Нужно заговорить, заставить пожалеть... И только я открыла рот, чтобы произнести «добрый день», как существо обернулось.

И нет, это не был человек.

За моей спиной мужик нажал на кнопку телефона, я услышала это так отчетливо, будто мы в вакууме. Шоу начинается. Если до этого я думала договориться, то теперь... Не с кем тут разговаривать.

Инстинктивно шагнула к двери, той самой на которой больше всего крови. Мстительно подумав, что обзор для камеры там плохой. Каждый писк не получится.

Существо двинулась на меня, медленно. Ему некуда спешить, я же не сбегу. И вдруг в жутких чертах мне чудится...

Оно стоит передо мной со страшным оскалом, в порванной одежде и хрипло дышит, собираясь броситься и разорвать меня в клочья. А я не могу отвести взгляд от когда-то привлекательного мужчины, в которого была влюблена сколько себя помню, из которого, они говорят, мой отец взрастил чудовище. Хотя, по правде, и сам был чудовищем.

Он подходит всё ближе, скаля клыки, с них капает вязкая слюна. На руках когти. Клыки выглядывают из рта. Звериные, острые. В любимых серых, но безумных глазах оранжевые всполохи. Часть тела покрыта чем-то вроде шерсти кажется...

Нет, это не может быть правдой. Невозможно. Мой Эмин. Это к нему я стремилась с пяти своих лет, это из-за него я не могу спать последние два года в полнолуние. И это он меня сейчас... разорвёт?

Нет. Эмин никогда не причинит мне вреда...

Неосознанно делаю шаг навстречу к нему и протягиваю руку вперёд. Могла ли я мечтать о большем? Пусть даже позже растерзает на куски на радость моим палачам и в укор отцу. Но последнее мое желание исполнилось – я вижу любимого перед смертью. Каким бы он не был. И, кажется, это заставляет отключиться инстинкт самосохранения.

Теперь протягиваю руку к его лицу, и за спиной слышится судорожный вздох тюремщика, не привык он к такой картинке. Шепчу одними лишь губами, чтобы за дверью не услышали:

– Эмин...

Монстр останавливается как вкопанный. А у меня теперь даже сомнений нет, что это именно он. Помню каждую его чётточку.

– Небо, что с Вами сделали...

Осторожно касаюсь его плеча, всего в ранах и синяках. Смотрю на окровавленное лицо, спутанные волосы, щетину. Он всегда мне казался большим и сильным, выше отца, шире в плечах. Но когда мы оказались в замкнутом помещении наедине, хоть я и выросла, он кажется мне ещё больше.

Хотя на самом деле выше всего на голову может, я сама очень высокая, часто говорили, что мне бы в модели... Да куда там. Но зато сейчас я могу смотреть ему в глаза почти прямо, совсем немного приподняв голову.

Моя детская мечта ожила. Хотя и не совсем так, как я предполагала.

Существо замирает и хмурится, явно не узнавая. Я вожу пальцем по жутким отметинам на его теле, не в силах не касаться. Пусть он набросится сейчас, сожрет или что он обычно делает с жертвами. Но я не могу не смотреть, не трогать, не искать в этом существе своего выдуманного друга. А ещё я же мечтала вот так водить ладошкой по его плечам... Пусть сама села в машину похитителям и пришла в лапы смерти, но если здесь Он – то я не жалею.

– Как же так...

Он перехватывает мою совсем узкую по сравнению с его рукой ладонь и подносит ко рту. Я бы сказала губам, но они раздвинуты так, что видно больше зубы. Как это вообще возможно? Как и чем можно сотворить такое с человеком? Он же не узнаёт...

И в тот же миг громкий рев оглушает. Существо отбрасывает меня к стене и начинает метаться по замкнутому пространству, ударяясь о стены, налетая на клетку.

Надсмотрщик предусмотрительно чуть отходит от двери ближе к выходу. Видимо, приказ приказом, а жить хочется. И мне тоже вдруг неожиданно сильно хочется жить. С ним. Пусть пока в этой клетке, в тюрьме, но ЖИТЬ. Чтобы можно было быть с ним рядом, касаться. А потом... Потом мы придумаем что-нибудь.

Когда рёв немного стихает, я убираю руки от ушей, не боясь, что перепонки лопнут. И прямо смотрю на... мужчину? Он вообще человек в таком состоянии?

В его глазах ярость. О, это мне знакомо. Не впервой. Нужно быть покладистой, не делать резких движений, не пытаться убежать или отодвинуться. Я плавно и очень осторожно поднимаюсь, опять делаю шаг к нему. Глубоко вдыхаю, медленно выдыхая, успокаиваясь. Нельзя нервировать уже нервного мужчину. Отец хорошо научил.

– Эмин, пожалуйста, – я тяну к нему руки, демонстрируя пустые ладони, – прошу Вас, успокойтесь.

Он поворачивает голову на бок и приближается с нечеловеческой грацией, плавностью, хоть и крушил сейчас всё как медведь.

– Они использовали Вас как машину для убийств, – я моих глазах слёзы. Слёзы обиды за него, за ту несправедливость, что пришлось ему пережить. Неужели все мои сны – не просто воспаленное воображение?

– Не знаю, как во всём этом замешан мой отец, но каждый, кто причастен к тому, что с Вами произошло – просто чудовище... Мне так жаль, Эмин.

Солёная капля с моей щеки падает на жестяной пол с глухим стуком, он провожает её взглядом. Потом возвращается к моему лицу.

– Неужели все эти годы Вы здесь вот так?

Он молчит и тяжело дышит. С костяшек стекает его собственная кровь, разбил, когда бесновался.

– Подождите секунду, – я медленно, не поворачиваясь спиной, подхожу к двери. Вижу, что Эмин наклоняется, становясь на четвереньки, будто для прыжка и снова тяну ему руку, успокаивая. – Нам с Вами нужна же вода, правда?

И дальше обращаюсь к похитителю или одному из них.

– Любезнейший, – у того от такого обращения челюсть едва не встречается с полом, – а Вы не могли бы организовать нам немного воды? Пить хочется ужасно после пережитого стресса. К тому же, вдруг меня сейчас съест господин Эмин, а запить ему и нечем.

Тот смотрит на меня так, будто на голове только вот выросла пара ветвистых кустиков земляники. И это прямо на оленьих рогах. Рот открыт. Из него ожидаемо пахнет псиной.

– Воды принеси, – повторяю грубо, как иногда приходилось осаживать не особо исполнительных телохранителей. Иногда такое они понимают гораздо быстрее обычной просьбы. И верно, тот отмирает и скрывается из ангара с прытью гепарда.

Из-за небольшого оконца ему видно только мое лицо, злющего Эмина за моей спиной нет. Поэтому мой нахальный тон его взбодрил и обескуражил, скажем культурно. А я вновь обернулась:

– Вы же не станете меня кушать, правда? Это я для красного словца сказала.

Мужчина снова поднялся с колен и ладоней на две ноги, продолжая молча сканировать меня взглядом и опять по-звериному наклоняя вбок голову.

– Воспримем Ваше молчание как знак согласия, – я неловко улыбнулась.

Не так я себе представляла встречу с любовью всей своей жизни.

Глава 12 Ужин без свечей

– Какая вода?! В смысле не тронул???

Недовольный голос раскатами прошелся по всему пустому ангару. Неужели тот мужчина – брат Эмина? Но он сам его так назвал... Почему тогда так с ним поступает? И значит, тот взрослый совсем действительно был его отец... А мой его, выходит, убил? Сердце сжала ледяная перчатка. Он ещё и убийца? Может я всё же от страха что-то не так поняла, на самом деле он сам умер?

За дверью показывается недовольное лицо главного. Он переводит ошарашенный взгляд с меня на Эмина. Тот забился в угол и старательно делает вид, что нас всех не существует.

Может он просто не голодный *пока*? Я сглотнула слюну, чтобы смочить пересохшее разом горло.

– Вы были знакомы? Ты называешь его по имени.

– Да виделись пару раз, – пожимаю я плечами. – Вы водички случаем не захватили?

– Почему он тебя не трогает?

– Я даже не знаю, что вообще происходит. Тем более как и почему. Нам бы воды.

– Вам? – он вздергивает одну бровь.

– Господин Эмин поранился, я хотела промыть раны и попить...

Меня перебил раскатистый смех.

– Промыть... Господину... Раны... Юмористка хренова.

– Что не так?

Упорно продолжаю делать вид, что всё в порядке вещей. Сидим мирно общаемся. Правда в камере, ну так за хорошей же беседой и место не так важно.

– Ты серьезно собралась промывать ему раны?

Его голос становится холодным и колючим.

– Всё верно.

– Что ж. Дайте ей воды и тряпку что ль какую. Пусть промоет. Может он ей быстрее голову отвернёт. И не кормить. Проголодается...

– Господин... простите не знаю Вашего имени, его-то понятно почему не кормить, а меня за что? Я второй день ничего не ела. Умру у Вас тут от голода раньше, чем меня съедят.

– Ну это еще посмотрим, что раньше... Яблоко ей кинь.

Уже через пять минут сквозь решетку на окне нам кидают две бутылки воды и яблоко. Красное спелое сочное яблоко. Я протираю его о свое платье и кусаю. Сладкий сок течет по губам и мне приходится вытереть его с подбородка ладонью. Очень вкусно. Когда остается половина, я вспоминаю, почему не стали кормить Эмина и...

– Господин... То есть Эмин, – обращаюсь к этому существу, а он смотрит будто сквозь меня. – Вы меня понимаете? – протягиваю руку с яблоком ближе к его губам. Клыков не видно, от этого совсем немного спокойнее. – Это Вам, подкрепитесь. Вас, наверное, тоже трехразовым питанием не балуют.

Он поднимает глаза на меня и, не отрывая взгляд, тянется к руке. Вот сейчас как куснет вместе с кистью... Стараюсь не показать страх и не бояться. Это же Эмин. Мой Эмин. Весь в шрамах, голодный, злой. Но всё тот же где-то внутри.

Вместо страха изнутри окутывает нежность, и отчего-то мне кажется, что он её чувствует. Его глаза заволакиваются дымкой, которая тут же разгоняется оранжевым всполохом. Мне не казалось всё это время! Это правда!

Он открывает рот, обнажая клыки и тянется к моей ладони.

– Только я Вам яблочко предлагаю, а не руку, – натянуто улыбаюсь, – ну на всякий случай решила прояснить.

Раздается громкий хруст. Эмин берёт половину яблока в рот целиком и со вкусом разгрызает его, совсем чуть-чуть, практически незаметно, но очень уж громко чавкая. Не успеваю я убрать руку, как и её он ловит своей лапищей и тоже тянет к губам.

– Эммм, Эмин, больше ничего съестного нет, а рука мне может пригодиться, я тут Вам раны собралась промывать...

Но он не слушает, тянет и в последний момент я закрываю глаза, не в силах справиться с волной паники. И тогда чувствую, как он тыкается в мою ладонь губами и замирает, тоже прикрыв веки. Надолго ли?

Сажусь рядом, не отнимая руку. Знаю, начнешь вырывать, хищник схватит крепче. Он же хищник сейчас? Отец меня хорошо выдрессировал, как нужно вести себя с агрессивными мужчинами.

– А я скучала по Вам, – говорю невпопад.

Он ловит мой взгляд.

– Правда, – говорю так, будто ответил недоверчиво, и у нас диалог, – мне Вас не хватало.

Щеки алеют моментально, и его рука тянется к ним, угрожая огромными когтями. Но я сама тянусь к его большой и теплой, испачканной в крови, ладони и прислоняюсь к ней лицом.

Он так смотрит, что у меня мурашки. Будто долго и тяжело вспоминает что-то.

– И ещё я рада, что Вы живы. Переживала, что с Вами что-то случится. И давайте наконец промоем Ваши раны, не хватало ещё заражение получить.

Решительно встаю и беру бутылки с водой. Делаю пару глотков и ловлю на себе внимательный взгляд. Точнее на своей шее. Надеюсь, он не представляет, как приятно её будет разгрызть. Но скорее – как её облизать...

От мыслей, что было бы приятно, снова краснею. И он будто чувствует, о чем я подумала, облизывает губы и поднимается, приблизившись в одно мгновение. От неожиданности я даже вскрикиваю. И он застывает, глядя во все глаза.

– О нет, простите, это я от неожиданности, – снова улыбаюсь, стараясь отвлечься, смачиваю тряпку из другой бутылки и тянусь к его лицу.

– Вы позволите?

Спрашиваю с опозданием, уже касаясь щеки. Он молчит и не двигается.

Будем считать, что это «да».

Глава 13 Более близкое знакомство

После проведения гигиенических процедур выясняется, что чтобы справить нужду у нас ведерко в уголке. Одно на двоих. Узнаю я об этом, когда «господин Эмин» ни с того ни с сего отходит от меня в угол нашей камеры и неожиданно спускает штаны.

С другой стороны, хорошо, что он их вообще носит здесь. Наверное, логичнее было бы не надевать на него одежду, она все равно вся воняет и в крови. Не его. Чужой...

Успеваю отвернуться только тогда, когда всё уже видела. И заливаюсь краской смущения. Я впервые вижу раздетого мужчину вживую, и разумеется, в потаённых фантазиях мечтала увидеть именно этого. Только вот незадача – явно не при таких обстоятельствах.

А ещё мучительно стыдно, что я слышу, как струйки звонко бьются прямо о железный бок ведра. Но от этого уже не отвернуться и не спрятаться. Поэтому когда наступает тишина, даже выдыхаю с облегчением. А он подходит и устраивается у моих ног на полу, свернувшись калачиком.

Я сижу на кровати и от этого ещё более неловко. Будто питомец домашний... Вспоминаю бедного хомяка.

– А я в Вашу честь хомяка назвала, – говорю зачем-то, и он приоткрывает один глаз, вроде как спрашивая, к чему ему эта информация. Но дальше я молчу, и он снова жмурится, явно собираясь спать. Мне тоже теперь просто спать? Вот прямо здесь, в этом жутком месте?

Вдруг раздаётся громкий щелчок и в нашей камере становится совсем темно, ни единого источника света. А со стороны, где должен быть вход раздаётся насмешливое:

– Спокойной ночи, принцесса.

– Они всегда выключают свет на ночь? – спрашиваю, хотя на ответ и не надеюсь.

Я ерзаю на кровати, ведь теперь, когда не могу смотреть ему в глаза и видеть намерения, страшно втройне. Слышу копошение у своих ног. Вот сейчас возьмет и укусит...

Но вместо этого в полной темноте прямо передо мной появляются два светящихся оранжевым глаза. Даже отпрянула сначала, пока не поняла, что это и кто это.

– У Вас глаза светятся тоже из-за того препарата?

Он ожидаемо молчит. И смотрит.

– Эмин... Дело в том, что у меня были сложные последние несколько дней мне очень хочется спать, но... В общем. Мне бы очень хотелось завтра проснуться. Я всё понимаю, Вы кушали только одно яблоко и то половинку, но... Не ешьте меня, пожалуйста.

На секунду мне мерещатся те самые смешинки в его глазах, а потом все пропадает.

– А еще мне немного страшно спать в полной темноте. Ну как немного. До ужаса страшно, Эмин. Вы не могли бы лечь со мной на кровать? Это не очень пристойное предложение, но и мы с Вами не на церемонии. Что думаете?

Глаза пропадают, и я чувствую копошение внизу, словно он опять сворачивается клубком. Что ж.

– А Вы не против, если я лягу с Вами на полу?

Тишина. Окей.

Стаскивая матрас, укладываю рядом, сама ложусь сверху и нащупываю его спину. Нагло кладу на неё руку. Глаза вспыхивают и меркнут в темноте. Будем считать, что это знак согласия.

И вот я лежу рядом со своим солнцем, смыслом и центром моей вселенной, слушаю его мерное дыхание и думаю, как приятно его касаться. Даже здесь, даже несмотря на грязную вонючую одежду и рваный жесткий матрас. И кстати, кроме прочего, трогаю его ещё и из соображений безопасности – так я хотя бы чувствую, где он, двигается или нет.

Только вот это не особо мне помогло. Похоже, ночью меня можно и есть спокойно, даже не пошевелюсь. Ведь проснулась я в кольце сильных и горячих рук. Не знаю, как не почувство-

вала ночью, как не испугалась и позволила. Но это факт. Наверное, опять мне снился он, вот и размечталась, с радостью принимая его объятия.

И самое главное, что Эмин уже не спал, а не выпуская, внимательно меня рассматривал. Надеюсь, не в качестве еды...

– Доброе утро, – неловко улыбаясь, попыталась освободиться.

Не вышло. Он продолжал смотреть с каким-то детским интересом, словно увидел диковинку. Перед глазами прямо картина встала, как он тянется и откусывает мне... скажем, ухо. Я вздрогнула.

– А Вы не могли бы меня пустить, пожалуйста?

Эмин нехотя разомкнул руки, и я сразу же вскочила, пока не передумал. Но и он поднялся, снова склонив голову вбок. Этот жест, признаюсь, слегка пугал меня. Настолько он был не человеческим что ли.

– О, спасибо большое. Давайте позавтракаем водой и умоемся? Как Вам предложение? Или у Вас другой распорядок, – он подошёл вплотную, и договаривала я уже через силу (мало ли чем он тут завтракал, может как раз свежей человеченкой), – обычно?

На мгновение его взгляд становится осознанным, он будто узнал меня, я же продолжаю смотреть во все глаза, запоминая каждую черточку, подмечая каждую новую морщинку в нём. Он стал сильно старше, чуть изменились и черты лица, став резче и жёстче. Про клыки, скрытые за потрясающе красивыми губами, и когти я молчу.

Что это – мутация, эксперимент генной инженерии? На самом деле так ли важно? Я просто хочу помочь ему хоть чем-то, вернуть к прежней жизни, где он сильный и уверенный мужчина, которого я когда-то полюбила, а не запертое в клетке животное.

– Эмин, – зову тихонечко и нерешительно касаюсь его предплечья. Неприлично красивые губы приоткрываются (хотя губы-то как раз весьма приличные, просто лично у меня они вызывают исключительно неприличные мысли, да и не только они... С тех пор, как оказалась рядом с ним, буквально магнитом к нему тянет, и внизу живота тепло так... И это вот вообще ненормально. И стыдно).

– Эли, – выдыхает надломленный хрипящий голос.

А может мне только послышалось. И показалось. От переизбытка чувств.

Его крупные пальцы уже водят по моим тонким скулам – одно неверное движение и мне понадобится челюстно-лицевой хирург. Так волнующе стоять с ним так близко, дышать, касаться. И продолжать говорить «Вы» из-за дурацкой детской привычки. Будто мы на светском приеме, а не в заточении.

Но сейчас совсем, ни капельки не страшно.

Глава 14 Моя тюрьма – моя крепость

Вдруг из-за стены донеслись голоса:

– Он прикончил девку?

– Нужно отправить папочке то, что от неё осталось.

От неожиданности я делаю шаг назад, увеличивая расстояние между нами, и рука Эмина, только что гладившая меня по лицу безвольно опускается вдоль тела. Взгляд так же прикован ко мне, словно он и не слышит непрощенных гостей.

Тяжелая дверь открывается, и заглядывают двое вчерашних, совсем немного меньше ростом, чем тот, кто заперт со мной в одной клетке. В их глазах изумление.

– Почему он её не загрыз?

Даже не говорят со мной, будто я изначально – свежий бифштекс, а не девушка, которую они притащили сюда силой и отдали на растерзание... Кому? Какому-то чудовищу, как считали они, и любимому человеку, как видела я.

Сами боятся пройти ближе, стоят у самой чуть приоткрытой двери, отслеживая каждый наш шаг. Второй наклоняется к уху коллеги и что-то шепчет, я улавливаю лишь отдельные слова «придется самим», «хозяин сказал», «расход», «пустить» (но и по этим обрывкам вывод сделать нетрудно), а потом...

– Раз уж тебе повезло, то выходи, – первый великодушно протягивает мне руку от порога. Неожиданно. Игнорили же.

А я ловлю себя на мысли, что эти двое пугают меня гораааздо больше, чем моя первая влюбленность, даже слегка поехавшая крышей. Поэтому прячусь за его огромную спину. И она как-то сразу распрямляется что ли. Отчего-то мне кажется, что Эмину нравится, что я поступила именно так, демонстрируя всем, что доверяю ему. Хотя, наверное, это только выдумки. А на самом деле он вообще может ничего не думать...

– Ты чего творишь, девка?! – возмущается второй. – На выход! Быстро! Или жить надоело?!

А вот это он зря. Жить мне хочется. И что-то подсказывает, что здесь шансов у меня чуть больше, чем за дверью темницы.

– Ах ты тварь, – цедит первый, делая решительный шаг ко мне, видимо, планируя выволочь силой, и тут происходит ужасное – оскалившись, с диким рёвом Эмин бросается на нашего тюремщика и впивается в его горло зубами.

На удивление, товарищ, оперативно бросив коллегу, запирает дверь снаружи, через оконце наблюдая за кровавой сценой. А я кидаюсь на помощь...

Пытаюсь оттащить невероятно сильного мужчину от этого мерзавца, зову, обнимаю за шею, стараюсь достучаться, как-то даже не подумав, что могу попасть под «горячую» когтистую руку, и – о чудо – мне это удается!

С окровавленным лицом он оборачивается ко мне и тяжело дышит. По подбородку стекает струйка чужой крови. Я отвожу его к противоположной стене, продолжая удерживать за плечи (ага, помогло бы это, если бы он желал догрызть) и ловлю взгляд второго надсмотрщика за дверью. Он смотрит на нас, а не на хрипящего из последних сил товарища. Хотя ему в любом случае вряд ли удастся выжить, я всё равно уверенно произношу:

– Заберите друга, пока мы его... не доели...

Приказ выполняется быстро. Но стоит двери чуть отвориться, как Эмин опять оскаливается, тут мне приходится прижаться к нему всем телом, чтобы удержать на месте или отвлечь. Он переводит взгляд на меня и больше не двигается. Я прекрасно понимаю, что отодвинуть меня в сторону ему вот вообще не тяжело, но почему-то он этого не делает.

И теперь меня точно отсюда не выкурить. Даже не бесплатно, даже с охраной папочки.

Второй докладывает боссу о произошедшем, не отходя от кассы, так сказать, лишь запев дверь. И конечно я не слышу, что ему отвечает главный. Но вскоре тот уходит, а возвращается с большущей кастрюлей вареного мяса и ведром воды.

Видимо, это он нам за завтраком метнулся. И когда оставив всё у входа, он бросает на меня очередной злой взгляд и запирает снаружи, то я не выдерживаю:

– Любезнейший, а у Вас случайно вегетарианское меню на завтрак не найдется?

– Жри давай, что есть, это вам на два дня.

О, чёрт, это не завтрак. Это все. И обед, и ужин, и полдник, если хотите.

– Сервис у Вас, конечно, отстой, – тяну тихонько, в то время как Эмин привычно опускается на четвереньки принимается за трапезу. Практически без использования рук. И по моей спине бегут мурашки.

Его тут и правда держат как животное.

– А хотите я Вам помогу?

Ловлю его недоумевающий взгляд. Подхожу ближе, забираю кастрюлю и ставлю на кровать.

– Идемте, садитесь рядом.

Он усаживается и послушно ждёт, что дальше. Я отрываю руками небольшой кусочек мяса и кладу себе в рот. Жую, показывая, что ему нужно делать так же. Но видимо меня как-то не так поняли, или так, как захотели понять.

Сам он есть не стал, а вот когда я оторвала себе следующий кусочек, просто открыл рот в ожидании. И что мне оставалось? Так я и кормила его с рук, пока кастрюля не опустела на одну треть. И хотя «блюдо» было ужасным, кормить его – вот очень приятно. Осторожное касание его губ к моим пальцам... ммм... А как он их облизывал...

От шальной радости голова кружилась. И на то, что мясо было явно не доваренным, уже вовсе плевать.

– А этот милый джентльмен случайно не пошутил, что это на два дня?

Я была озадачена. Они решили его всё же покормить, только как собаку какую-то. Но почему? И почему держат в ангаре? Почему используют как мясорубку для неугодных?

– Эмин, а Вы не могли бы мне объяснить хоть что-то?

Смотрит вроде как насмешливо, типа, ты, что, совсем неумная, не видишь, что я не могу разговаривать. А я не сдаюсь, продолжая общаться с ним как с обычным человеком.

– Вы не думали выбраться отсюда?

Неожиданно он отрицательно качает головой и вздыхает, а потом поднимает ладони к моему лицу, во всей красе демонстрируя когти. Я глажу его большие руки, на фоне отмечая, что мой маникюр уже отрос и пора бы сделать новый.

Ага. Попрошу у тюремщиком мне мастера по маникюру пригнать. Тоже вздыхаю.

– Как бы мне узнать, что с Вами произошло?

– Эли, – выдыхает.

– О, так Вы и правда меня узнали и немного говорите, – краснею, но продолжаю, – думала, что показалось, но мне приятно.

Его губы кривятся в подобии улыбки, а руки начинают гладить мои, поднимаясь выше и выше, вот уже ложатся на плечи, случайно задевая грудь. Только он перестает двигаться, не смещает их, и я краснею от того, что мне приятно это прикосновение.

Серые глаза изучают мое лицо, видно, что он ищет что-то, может, пытается понять, как я отношусь к происходящему? О, я отлично отношусь.

В тот момент, когда его правая ладонь уже намеренно, хоть и нарочито медленно накрывает одну грудь, с моих губ срывается тихий короткий стон. В его руках просто плавлюсь. Пальцы несильно сжимаются, и это срабатывает как спусковой крючок.

Меня и так всё это время безумно тянет к нему, как по волшебству, а сейчас, когда он так открыто касается сам, вообще разум отбивает.

Кидаюсь ему на шею, обнимаю, целую высокие скулы, подбородок, шею, избегая лишь губ – не потому что боюсь, всего лишь хочу, чтобы первый он сам поцеловал, жмусь ближе к сильному телу. Сжав мои волосы, запрокидывает голову назад, открывая шею и проводит по ней языком, а я выдыхаю его имя, желая получить заветный поцелуй. Но он медлит. Одной рукой продолжает массировать голову, второй оглаживает грудь, талию, потом бедра, возвращается чуть выше...

– Да чёрт бы Вас побрал, Эмин, – злюсь и тянусь к его губам сама.

Он, словно только этого и ждал, впивается в меня жарким поцелуем. Раскрываю губы, пропускаю его язык, глажу своим, тянусь ближе изо всех сил. Как же я мечтала об этом, вот так притягивать его ближе за шею, прижиматься, позволять касаться там, где ни касался ни один другой человек, кроме меня самой.

И пусть его дыхание, как вообще-то и моё, не такое свежее, пусть на его грязной одежде следы крови и грязи, пусть он вообще сейчас мало похож на человека. И плевать, что это место не подходит для того, что мы делаем, что меня сюда приволокли силком, главное, тут – ОН.

Мой свет, мой смысл, моя жизнь.

Когда его руки сжимают мою попу, почему-то не царапая когтями, я понимаю, что он уже тоже слетает с катушек и тут, как гром среди ясного неба, мысль – так он слетел с них давно. Я-то хочу его последние года два уже, а он может и вовсе не понимает, что делает.

Кладу руку на его щёку, глажу успокаивающе, зову.

– Эмин, Вы не в себе, давайте остановимся?

Он не сразу понимает, что я от него хочу. Смотрит замутненным страстью взглядом, но медленно приходит в себя, хоть и дышит тяжело.

– Чёрт, ты права, прости, лисичка, – хрипит, а я взвизгиваю.

– Вы можете говорить!

Он окидывает меня странным взглядом, потом осматривается вокруг, смотрит на свои руки – уже с обычными ногтями, трясет головой, будто стряхивая остатки наваждения и забывает от меня свои горячие большие ладони. Едва могу сдержать разочарованный вздох.

– Как ты здесь?

И пока я думаю, что могу ему рассказать, не скажешь же: «Знаете, я тут люблю Вас с пяти лет, поэтому сбежала от жениха, навязанного папочкой, который вроде как непонятно как сделал из Вас чудовище», вдруг приобнимает и притягивает ближе. И делает это так, словно не может не сделать.

– А ты выросла, – улыбается немного грустно.

– Угу, и Вы... в смысле изменились тоже.

Хотя вот прямо сейчас он действительно изменился. Вроде даже немного поменьше стал, как исчезли эти жуткие когти и клыки. Как в фильме про вампиров и оборотней! Жуть.

Гладит меня по волосам, как маленькую, а не так как пару минут назад, отчего я хмурюсь. Так мне нравится уже чуть меньше. Хочется снова окунуться в наше общее безумие. И пересилив врождённую скромность, я всё же прошу:

– А поцелуйте меня ещё раз?

Поднимаю на него свои глаза, стараясь вложить во взгляд всю нежность, что испытываю, смятение, желание снова успокоиться, утонуть в нем. И он медленно, как околдованный, склоняется ко мне...

Только в этот момент опять раздаются шаги.

Глава 15 Завтра полнолуние

Эмин тоже слышит шум и отскакивает от меня, как от чумной, пряча руки за спину и сутулясь. Наверное, не хочет, чтобы в нём заметили изменения. Но почему это плохо? Ведь эти люди – его знакомые, один даже брат вроде. Разве они его не отпустят теперь?

Но раз он ведёт себя так, решаю тоже не палить контору, буду помалкивать. А то ещё испорчу чего.

За решеткой показывается сначала лицо одного из тюремщиков, а потом того важного мужчины, который назвал его братом. И он говорит первым.

– Как тебе сосед? Мне сказали, ты отказалась выходить.

Явно обращается ко мне.

– Ну знаете, я пока лучше тут посижу, если Вы, конечно, не хотите меня отпустить.

– И что, согласишься, если скажу, что хочу? – так неприятненько усмехается.

– Разумеется, нет, поэтому и не пойду никуда.

– Слушай, раз уже всё пошло не по плану, не собираешься же ты тут вечно сидеть?

– Ну если выбирать между жизнью в клетке и расправой, то ответ очевиден.

– Упрямая, – снисходительно качает головой, – он все равно тебя разорвёт. Завтра полнолуние.

Эмин едва заметно вздрагивает, и я ловлю его брошенный украдкой обеспокоенный взгляд.

– И что, что полнолуние?

– Узнаешь, – мерзко ухмыляется а точно брат?

– У меня к Вам вопрос, мистер... – ага, представляться не намерен ну ладно. – Со мной более или менее ясно, но что ж Вы брата кормите как собаку.

Эмин вздрагивает уже более явственно и зачем-то рычит, повернувшись к двери спиной, а ко мне лицом. Но он же прежний, без клыков тех. И если это был какой-то знак, то я не поняла.

– Ответ на этот вопрос ты узнаешь завтра, – обещает этот тип. – Веселой ночи желать не приду, но камеру оставляю вот здесь, – он кивает на дверь. – И ещё. Предложение выйти действует до завтрашнего утра, а потом...

– Засуньте себе это предложение сами знаете куда, господин ноунейм, – огрызаюсь я, ловя укоризненный взгляд Эмина.

Он меня осуждает за то, что грублю его брату? Шикарно. Я ещё и крайняя.

– Да вообще без вопросов, – безразлично пожимает тот плечами.

И просто уходит. Разворачивается в своем идеальном костюме и оставляет нас в этой металлической коробке. Не то чтобы меня не устраивает перспектива снова остаться наедине с Эмином, но этот его мерзкий братец меня задел – не могу же я и правда тут сидеть вечно, а еще это полнолуние...

Когда мы остаёмся одни, уже не до поцелуев. Всё испортили, гады.

– И что будет завтра?

Эмин отвечает только когда стихают шаги всех наших незваных гостей, даже чуточку позже. Может, это я уже не слышу только?

– Это плохо, лисичка.

– Почему?

– Не хочу тебя пугать заранее, но в полнолуние мы особенно не сдержанны.

– Вы? Кто «вы»?

– Это сложно объяснить, есть только надежда, что если я не тронул тебя раньше, то и завтра сдержусь... Хотя то, что было сегодня, уже говорит о многом.

– Что было? – спрашиваю прежде, чем успеваю подумать и опять краснею. – Вы о поцелуях, да?

Интересно, о чём это ему говорит. Мне о том, что понравилось, и хочется повторить.

– Да, о них. Это похоже на... ммм... гормональный всплеск. Я мужчина, у которого не было близости с женщиной уже лет пять, а ты милая и красивая девушка...

– Вы считаете меня красивой?

И опять спросила прежде, чем поняла, что это неприлично. И только затем осознала, что он вообще сказал. Пять лет?! Так его держат тут с моего тринадцатилетия? А уже потом дошло и остальное. То есть завтра будет какой-то особенный гормональный всплеск... И чем мне это грозит? Зацелует меня до смерти?

– Ты очень красивая, и боюсь, что завтра для меня будет не так важна наша разница в возрасте, обстоятельства и камеры... Вообще ничего.

– И какова наша разница в возрасте? – снова концентрируюсь на главном, отсеивая ненужную информацию. И спрашиваю опять лишь о том, что мой мозг в первую очередь посчитал важным. – Мне восемнадцать, почти девятнадцать, – вру нагло, приподняв подбородок. Ну преувеличила совсем немножко.

– Выходит, я старше на десяток. И мне, правда, очень жаль.

– Я не понимаю, Эмин, – говорю мягко, поднимаюсь и иду к нему ближе.

– Боюсь причинить тебе вред.

– Так почему Вы не попросили брата Вас выпустить?

– Пока нельзя, – он приобнимает меня за талию, чуть заметно и очень прилично. Слишком. Даже немного раздражает. Вот сам же недавно мял меня за разные места, а теперь весь такой правильный вдруг.

– А есть способ этого избежать?

– Ну... Наверное мне стоит выплеснуть накопившееся напряжение...

– Я согласна! – выпаливаю на одном дыхании и только потом до меня вдруг доходит, что он мог вообще не это иметь в виду. Ой.

Эмин по-доброму усмехается, а я чувствую, что теперь стою пунцовая не только на щеках, но до корней волос, хотя в его глазах вижу, что наши желания сходятся.

– Я понимаю, ты боишься и... – а может и это имел в виду, поэтому решаю всё взять в свои руки. Ну ради спасения жизни же. Вовсе не потому, что мне ужасно хочется снова на него наброситься. Хотя где-то на краю сознания мелькает мысль, что то, что ощущаю сейчас, весьма странно, но как-то не до неё сейчас.

– Знаете, мне вот очень хочется жить, а боюсь я Вас не так и сильно...

Веду ладошкой по его широкой груди вверх, к шее, потом запутываю пальцы в его волосах.

– Ты ещё совсем ребёнок, – вздыхает как-то обреченно, словно уговаривая себя самого, но голос его уже становится немного хриплым.

– Ну уж не совсем, – встаю на цыпочки и осторожно целую его.

Не так как он меня раньше, а весьма целомудренно, хоть и в губы. Иначе пока ещё стесняюсь сама. Надеюсь, камеры уже не поставили? Видимо эта мысль приходит не только мне в голову, Эмин оглядывается и, кажется, выдыхает удовлетворительно. А потом чуть подталкивает меня к кровати. И я иду.

Да куда угодно бы за ним пошла.

– Я не должен так поступать, меня на тебе слишком клинит, а ты ведь меня не знаешь совсем, – и его слова расходятся с тем, что он уже пробрался мне в ворот платья, пытаюсь найти грудь.

– Знаю, – я уже тяжело дышу, сама расстегиваю воротник и спускаю его до пояса. Ну правда мешается только.

– Я слишком взрослый для тебя, – зачем он это говорит, если его губы в следующую секунду уже обхватывают напряженный сосок? Прикусываю губу, чтобы не застонать в первую секунду, а потом:

- Не слишком, – успокаиваю, прижимая к себе за волосы изо всех сил.
- Чёрт, ты меня с умаводишь, лисичка, не могу себя контролировать...
- Скажи ещё раз так, – прошу, уже постанывая в голос.
- Лисичка, – зовёт он и укладывает меня на постель. Ну наконец-то.

И послушно ложусь, чуть разведя ноги для него. Сколько ночей я проживала всё это с ним. Сколько раз ревела, проснувшись, от того, что это всего лишь сон. И вот. Сейчас. Он на самом деле ласкает меня, целует, трогает так... неприлично...

Его рука крадется по бедру, и я сама подаюсь вперед, ближе, желая уже ощутить на себе тяжесть его тела, тяну к себе. Его глаза горят, когда чуть прикусывает кожу на моей груди, от чего я вскрикиваю, а Эмин замирает.

- Если мы продолжим, ты должна быть очень тихой, – как же соблазнителен его шепот.
- Мгм, – мычу, заранее согласная на что угодно, лишь бы не останавливался. И он не останавливается, продолжая целовать всё ниже и ниже, уже дойдя до живота, подняв низ платья до талии, где оно теперь и болтается ненужной тряпкой.

Целует сквозь трусики прямо там, я извиваюсь на неудобной кровати зажимая себе рот обеими руками. Такого в моих снах не было, и это гораздо более возбуждающе... Ну до чего же хорошо...

Он снимает с меня белье и прикасается губами уже к телу, от чего один стон я всё же выпускаю наружу. Его горячий язык изучающее гладит мокрые складочки, он снова шепчет:

- Ты такая влажная...

Да черт! Я влажная с тех пор, как ты мне приснился первый раз! Как же мучительно приятно то, что он сейчас делает! Ни в какое сравнение с тем, как я себя удовлетворяла.

Его язык проникает внутрь меня, и я тихо ойкаю, едва удержавшись, чтобы не сжать бедра и не спровоцировать оргазм прямо сейчас. Чувствую, как он поднимает голову, а потом вижу своим затуманенным взглядом уже над собой оранжевые сполохи.

- Не передумала?
- Нет!

Отвечаю так быстро, будто от скорости ответа что-то зависит. Он снова усмехается, хотя вижу, что уже тоже не в себе, и наклоняется надо мной, бедрами охватываю его торс. Чтобы не сбежал. В живот упирается его возбужденный член...

Да начинай же уже, – молю мысленно, а он, судя по звукам... принимаются?

Сфокусироваться на его лице не могу толком, всё плывёт, низ живота и между ног горит, мне даже немного больно. А он снова останавливается.

– Да что такое? – выдыхаю, не понимая, зачем он медлит. Чувствую, что я уже не просто влажная, кажется во мне столько влаги отродясь не было. А всё тело будто выворачивает от желания, чтобы он наконец продолжил.

- Не чувствую твоего запаха.
- Ну это вроде как хорошо, учитывая, что я тут без душа два дня.

То, что мы обтираемся тряпочками, смоченными водой вот вообще не утешает. Ну как мы. Я. А вот даже его лицо от чужой крови тоже мне пришлось вытирать. Это теперь он говорит и вроде даже соображает. Хотя в данный конкретный момент я бы предпочла, чтобы думал поменьше. Слишком рассудительный. Совсем не вовремя.

- Я не о том... Неважно.
- Тогда поцелуй, – выпрашиваю снова, ну и ладно.

Если честно, когда он сказал про сбросить напряжение и потом начал меня раздевать я не рассчитывала на такую долгую прелюдию. Уже и поговорили, хотя могли и бы и без того

обойтись, и целует он меня слишком медленно, мне кажется, а потом начинает массировать набухшую горошинку удовольствия пальцами, заставляя меня усиленно закрывать рот руками, чтобы не стонать. У него явно выходит лучше, чем у меня самой. Но мне всё равно мало...

Хочу его в себе. Сейчас. Не могу больше. Чувствую себя нимфоманкой. Может у меня расстройство какое-то?

Только Эмин не торопится, и взяв другой ладонью немного моей влаги, которая стекает в небольшую лужицу на матрасе, неожиданно для меня обхватывает свой член с набухшими венами и ярко выделяющейся головкой и начинает водить по нему крепко сжатой рукой, не переставая ласкать меня.

Он не был огромным, как показывают в порно, каюсь, смотрела несколько раз после тех самых наших снов (кстати, не понравилось, раздетые чужие мужики – фу), но зато невероятно красивым. И всё же моя ладонь, наверное, обхватила бы его с трудом... Захотелось проверить тотчас. Но не отталкивать же его руку...

Зато перестать смотреть, как он сам себя ласкает... Небо... От этого зрелища и своих же мыслей я ощутила оргазм почти сразу, и всех моих сил стоило сдерживать пошлый и громкий стон. Не отводя от меня взгляд, очевидно ощущая под своей ладонью затухающие судороги моего удовольствия, он и задвигал другой быстрее.

Я не могла отвести взгляд от его паха, пока он не повернул мой подбородок к себе. И в момент, когда его взгляд встретился с моим восхищенным, он кончил, утробно зарывчав.

Его семя попало мне на живот, но это было так приятно. И пахнёт оно так...ну в общем как весь он, чем-то притягательным. И отчего-то появилась мысль обмакнуть палец и попробовать на вкус...

И честно, я никогда не чувствовала ничего подобного. Кончил он, а удовольствие получила я. Кажется, начинаю понимать, как девушкам может нравиться минет. И от мыслей, чтобы охватить его член своими губами, внизу снова стало горячо и очень мокро. Эмин ещё немного нависал надо мной, и я было подумала, что мы сейчас продолжим, но он вдруг поправил на мне подол платья, пряча в штаны свое сокровище, которым я хотела обладать до одержимости, отводя начавший проясняться взгляд, прошептал:

– Извини, лисичка, я озабоченный придурок. Это полнолуние так действует, но я всё равно не должен был тебя трогать...

– Ээээ... – глубокомысленно постановила я.

Я только что испытала самые приятные ощущения в моей жизни, а он несёт этот бред. Ну почему из всех мужчин я влюбилась в эту бесчувственную глыбу? Правда думала, что мы сейчас...ну...будем заниматься... этим. Мне так хотелось.

И плевать, что это не самое подходящее место, чтобы лишиться невинности, но он конкретно так испортил мне настроение. Серьезно вот, да? Показал и не дал... Захотелось обозвать его как-то, но я не придумала, как именно, и стукнуть. Даже застонала вслух от злости на него, а он забеспокоился:

– Где-то болит?

– Да ты не сделал ничего, чтобы болело, – раздосадовано бросила я, и почти сразу устыдилась, что так открыто демонстрирую свои чувства, обычно привыкла скрывать. Но он не понял. Вот когда хочет, всё прекрасно понимает, зато сейчас...

– Вред можно нанести и без традиционного секса...

– Небо! – я зло поднялась и пошла искать бутылку, чтобы попить и подмыться.

То есть вот так трогать меня – это нормально, а продолжать он не может. Prrrr! Ну какой невыносимый кретин мне достался, а...

Глава 16 Всё ещё ждём полнолуние

И всё же долго злиться на него было просто невозможно. Тем более больше всего меня волновало не какое-то странное полнолуние, а тот факт, что я чувствовала себя неудовлетворенной. Мне было категорически мало того, что произошло. И это было странным.

Никогда прежде не думала, что можно так сильно хотеть человека. А меня просто ломало, ещё немного и правда придётся его уговаривать. Ну в самом деле. Всё это было так не похоже на меня в обычной жизни, что немного пугало.

Может нам в еду или воду возбудитель какой-то добавляют, но зачем? Рассказать Эмину о своих мыслях было стыдно. Вдруг он подумает, что я какая-то сумасшедшая. Тем более, если не чувствует того же.

Неужели я ему не нравлюсь? Покосилась на мужчину, который о чём-то размышлял, уставившись в стену. Да я всем нравилась! Как могу ему не нравится? Я красивая, высокая, стройная, занималась гимнастикой, у меня отличная растяжка, и её можно использовать... по-разному...

Вот! Снова мысли скатились к низменным инстинктам! Да что со мной?

Побрызгала водой на лицо. Бррр. Если меня всегда в его присутствии будет вот так штормить, то ничего хорошего точно не выйдет.

– Эмин, – позвала, – а не расскажете что-то ещё? Ну там... Что с Вами? Почему мы тут? И вообще...

Идея же отвлечься на насущные проблемы. Вот только пока он начал говорить, я всё зависла на его губах, потом на руках с проступающими венами... сильных ладонях, которые так крепко сжимали и мяли мою грудь...

Сама себя опять одёрнула. Кажется, пропустила часть рассказа.

– ...опасен, поэтому меня и заперли тут. Только вот за это время не стало отца, а его место занял брат, хотя прежде вся стая была за меня, – вот про какую стаю он говорит? Ладно потом расспрошу ещё раз, скажу, забыла. – Он не захочет отпускать меня просто так, это пошатнёт его положение, – а это уже понятнее, тогда ясно, чего мы притворяемся и не признаемся. – Мы обязательно придумаем, как выбраться, я не дам тебя в обиду.

Ой, как мило. Он обещает меня защищать. Прелесть. Захотелось отблагодарить поцелуем... А можно и парочкой. Сама не заметила, как потянулась к нему, затормозив только у самых его губ, когда уже чувствовала на своих его дыхание. И даже смутилась. Что я творю?!

Сразу чуть отодвинулась.

– Извините, показалось, что Вам в глаз что-то попало, но нет, всё в порядке, – что-что, а врать на ходу я была приучена с детства.

– Ты себя хорошо чувствуешь? – вдруг нахмурился он.

Тоже заметил, да? Меня аж трясёт. И я понимаю, что так не должно быть, но что мне ему сказать? Что я восемнадцатилетняя девственница, которая сейчас не может думать ни о чем другом, кроме того, что находится в его штанах? Щёки залил румянец. Он так сжимал его...

Я облизнула губы. И снова соврала.

– Да будешь тут в порядке, меня похитили, обещали, что Вы меня съедите, а теперь мы сидим вот тут, – развела руками. Вообще-то это всё меня сейчас волновало в меньшей степени. А он весь такой участливый, вежливый, аж бесит.

– Ну что ты, Эли, мы найдём способ выпутаться, мне жаль, что тебя в это втянули...

– А завтра полнолуние, – протянула я, прозрачно намекая, что если вдруг тут кому-то нужно снять накопленное за пять лет напряжение, то в принципе, есть действенный способ.

Но этот чурбан (как быстро от идеала он стал вот почти Буратино, видимо, с реальными мужчинами всегда так, эх, а я надеялась) истолковал опять по-своему.

– Я постараюсь себя сдерживать, Эли...

Да чтоб тебя! А можно наоборот? Даже чихнула от злости. Ну не самой же к нему в штаны лезть. Ай была не была.

– А почему Вы остановились, когда мы... ну... – потупила глазки, притворяясь, что смущаюсь. И хотя правда немного было неловко, но явно меньше, чем старалась показать.

– Ты маленькая ещё и...

– Я?! Я совершеннолетняя! И уже совсем большая!

Если бы умела, ругалась бы как сапожник. Он что, не сильно умный? В смысле, я маленькая? А то, что он со мной делал – это вообще не считается, да? Это блин можно. Какие-то двойные стандарты вырисовываются!

– Есть и другая причина.

– Какая? – из него всё надо клещами вытягивать? Самому рассказать совсем никак? Да что ж это такое.

– Я не должен так поступать с тобой.

– Как «так»?

– Использовать.

Я чуть не подавилась. А что, на долговременную перспективу я ему не гожусь? Хотя то, что я об этом вообще не задумалась, говорило о многом. А именно о том, что у меня некоторые проблемы с мозгами. Вот с чего я решила, что мы теперь по умолчанию будем вместе? Это я по нему столько лет сохла, а он – то вообще может и не вспоминал. Ещё и на шею вешаюсь...

Как стыдно-то.

– Ну и не использовали бы, а то я Вас прям заставляла меня там...облизывать... – снова покраснела.

Зато пусть знает, что больно нужен он мне... Хотя вот правда, аж до боли нужен...

– Ты не поняла, – он взял меня за руку, – я хотел, но не должен.

– Почему не должны?

Как по тупому это звучит, когда обращаюсь на Вы, ужас просто.

– У нас с тобой ничего не может быть серьезного.

Ого, вот это заявочка у нас. А то я прям его под венец сразу тащу! Нормально.

– И почему же, позвольте узнать? – вот тут не заметить ядовитой интонации было бы сложно. Но он не заметил.

– У нас всё иначе устроено, Эли... Мало просто захотеть. Это сложно. В общем, я не могу быть с тобой насовсем, хотя вижу, что нравлюсь тебе, – ах ты противный, наглый, самовлюбленный... – и ты мне очень нравишься, безумно, – а ну тогда в принципе ничего, немножко облагевший, а в общем... – но надолго у нас не выйдет.

– Я ничего не поняла, но вообще-то Вас никто не...

– Да-да, – перебил он, – не заставлял. Иди сюда...

И за руку подтянул меня ближе, обнимая. Вот всегда бы так, а не размышления надолго-ненадолго.

– Не знаю, что с тобой не так, – ой, а может, это с тобой что-то не так, а? – Но меня к тебе как магнитом тянет. Не представляешь, каких усилий мне стоит сдерживаться. Возможно дело в полнолунии или в моем длительном заточении...

И снова мне хочется его ударить. Может просто дело в том, что я красивая и в меня невозможно не влюбиться?!

Нет, я понимаю, что он не был в меня влюблён тринадцать лет, но почему отказывается от очевидного? Можно же просто быть вместе... и всё... Если, конечно, у него никого нет... Эта догадка как ошпарила изнутри. Может из-за этого он не хочет?

– А Вы... ну... как вообще? В смысле... Кроме брата больше никого нет из родственников? Может жена например...

Ну да, почти не спалилась. Эмин грустно усмехнулся.

– Нет, Эли, только брат. Говорю же, чтобы создать семью, мало одного желания.

– Что ещё нужно?

– Это сложно, тебе будет тяжело понять.

– Ну я всё же попробую.

– Понимаешь, для таких, как мы, мало встретить хорошую девушку, даже влюбиться мало, нужно, чтобы совпали сразу несколько важных факторов... Мы называем это истинной парностью.

– Для таких, как вы... – задумчиво повторила я. – Парностью, значит... Окей.

Если честно, то, что Эмин ведёт себя и говорит немного необычно, было ну очень заметно. И в принципе частично объяснимо. Он тут сидел пять лет с жуткими когтями... убивал... Не ясно, чем именно вызвана та ужасная мутация, но я подумала, что таким же волшебным образом она и исчезла без последствий. Ан нет. Последствия, как выясняется, были.

Вот например, всякие там странные идеи, непонятные слова. Да нет, ну повредился умом немного, ничего страшного. Я тоже не вундеркинд. Как-нибудь разберемся с этим. Вот выберемся. Если переживём завтрашний день... Точнее, я переживу.

Но тут погасили свет. И я ощутила себя в полной темноте, прижатой сильными руками к мужчине, который только и делал, что снился мне в эротических снах... Меня начинает трясти от того, что снова хочу его. Наваждение какое-то. Хотя...

Вот что мне мешает? Я взрослая, что хочу, то и делаю. Зря что ли сбегала. А он не подумает обо мне плохого, это же мой Эмин... Ну или будет моим.

Поэтому разворачиваюсь и целую его, слыша, как он сдавленно рычит мне в губы, сжимая руки на талии. И бедром уже ощущаю его эрекцию. Ну вот тоже же хочет, почему надо уговаривать?

– Вам же нужно подготовиться к завтрашнему полнолунию, правда? – тихо спрашиваю.

– Да, полнолуние, точно, – хрипит и продолжает осыпая меня поцелуями, вопреки тому, что сам же говорил, спускает с себя штаны.

И даже подумать не успела, как поняла, что трогаю его член своей рукой... Как приятно... Ай, сгорел сарай, гори и хата, чего теперь строить из себя непонятно кого!

– Я помогу, – шепчу ему на ухо, и сама удивляюсь тому, как пошло звучит мой голос.

Из его груди вырывается стон. Небо, это того стоило!

После го подсказки начинаю водить вверх-вниз ладошкой, ощущая бархатную, нежную кожу... Жаль, не вижу. По всему моему телу бегут мурашки, чуть плотнее сжимаю бедра, даже не трогая себя там, и... издаю сдавленный вскрик, ощущая волну оргазма. От этого непроизвольно сжимаю ладонь, и Эмин дергается вперёд, тоже изливаясь вслед за мной.

Мы оба чокнутые, да?

Хотя в любом случае, он больше.

Глава 17 Наконец-то утро полнолуния

Просыпаюсь от того, что Эмин меня одевает. И нужно отметить, довольно успешно. Даже трусики после вчерашнего нашел и вернул на место. Почти. Чуть приподнялась, позволяя ему их на себя натянуть. Ну раз уж начал, то пусть заканчивает.

Вспоминая, что было вечером, невольно снова краснею, но уверенно смотрю в его чуть раскосые серые глаза (обожаю эти его глаза, такие необычные, невероятные, ммм). Он молчит, ждет чего-то.

– Доброе утро, – улыбаюсь вопросительно.

– Доброе, – улыбается он в ответ и выдыхает.

Ага, боялся, что устрою истерику на утро из-за вчерашнего? Или испугался, что снова захочу «перейти границы» прямо сразу, как проснусь? Только глаза открыла и вперед, да? Ох, уж эти мужчины. Как можно было не понять всё самому?

Кристально же ясно, что я влюблена в него и, если о чём и буду жалеть, так это о его странной принципиальности. А про границы... Ну не насильно же мне его заставлять. Сегодня как-то полегчало мне немного в этом плане. Даже странно.

– Как ты?

Похоже, он и правда переживает, я же сладко потягиваюсь. Внутри – лишь легкий дискомфорт, а снаружи, кажется, ещё ощущаю касания его горячих губ и не таких уж и принципиальных рук... И это приятно. Вот каждый день бы так просыпаться, но только не тут, а где-нибудь у моря...

– Нормально, – пожимаю плечами.

– У тебя синяки, – вздыхает он, оглядывая меня, а в глазах снова те оранжевые всполохи... Интересно, это от страсти или само по себе? – Я был не сдержан.

– Слушай, всё нормально, правда.

Я сажусь на кровати и смотрю прямо на него, всем видом демонстрируя, что говорю правду. К тому же большая часть того, что он назвал синяками, скорее, являлись засосами по своему происхождению. И мне нравилось видеть это подтверждение его несдержанности.

Хоть в чём-то.

– Итак, у нас сегодня важный день?

– Это не будет весело, Эли.

– Ладно, а как будет?

– Я объяснял вчера.

– А я ничего не поняла.

– Не хочу пугать тебя ещё больше.

– Да куда уж больше? – злюсь.

– Послушай, что бы не произошло сегодня... В общем, сохраняй спокойствие, сколько сможешь, и не убегай от меня, не сопротивляйся.

– Что? – смеюсь. – Куда тут убежишь? И почему мне нужно будет сопротивляться?

– Наоборот не нужно, лисичка. Я буду не в себе.

– Как все эти дни? – а что, скажет, что вчера или сегодня он «в себе»? Явно же что-то не так. Всё запугивает меня чем-то, не объясняя толком, что происходит.

– Возможно хуже. Я постараюсь сдерживаться, но не уверен, что это сработает. А рассказать всё Эмиру, пока нельзя, – кажется, я теперь знаю, как зовут нашего брата. То есть его брата, конечно. – Пока ты спала, я подслушал разговор, и теперь...

Замолкает и прислушивается.

– Что там?

– Тшшшшш, – кладет палец мне на губы, и я замолкаю. Вечно бы так сидела, если бы он, поймав мой восхищенный взгляд, не убрал руку. И тогда я встаю и обнимаю его.

А что? Можно же после сегодняшней ночи. Мы были весьма близки, мне показалось.

Вообще вчера после того небольшого эпизода он честно пытался меня остановить, но в меня просто демон эротической фантазии вселился, если такой вообще существует. Я продолжала целовать, поглаживать его в разных интересных и не очень местах, не слыша и не слушая его уверения, что нам не стоит «переходить *эту* грань».

Вот все остальные, видимо, стоит, а именно *эту* нет. Каков, а?

Но не смотря на мои, видимо слишком примитивные, способы соблазнения, он поддался лишь на половину. Ну как на половину. В ответ на моё прямое заявление (потому что сколько можно тянуть кота за хвост), что хочу его в себе после всех этих затянувшихся прелюдий, он сделал вид, что понял меня не совсем правильно...

В себе-то я его почувствовала, но, к сожалению, не ту часть, на которую рассчитывала...

Кто бы мог подумать, что ощущать внутри его пальцы гораздо более приятно, чем свои. И он делал ими такие движения... Я не додумалась бы. И это было просто невероятно...

К счастью, хоть тут его заставлять не пришлось. Одного приглашения оказалось достаточно. Эмин рычал, терся о меня всем, что у него только было твёрдым, но зато «границ» не переходил.

Что за пунктик такой вот?!

И ведь я слышала прекрасно, как сдавленно он выдыхает. Ну не может так вести себя мужчина, который не хочет делать того, что делает!

В общем за сегодняшнюю ночь я узнала сразу несколько дополнительных способов получения удовольствия. И все мне понравились. Правда, для всех был нужен мужчина. И совершенно точно конкретный. Мне казалось, что только от мысли, что это именно он со мной, мне так хорошо. А ему... судя по тем звукам, которые он издавал, как кидался меня целовать и сколько раз кончил от моих неумелых (ну это пока) движений, тоже было весьма неплохо.

Хотя случился один странный инцидент, который нас обоих слегка озадачил. В момент, когда в очередной раз Эмин делал мне «ну очень приятно», я вдруг совершенно случайно вцепилась зубами в место, где его шея переходит в плечо. И хотелось сжать челюсти ещё сильнее, хотя уже был предел. Но сопротивляться этому желанию я не могла.

Он тогда глухо выдохнул и попытался меня от себя отцепить, а мне удалось разжать зубы только когда почувствовала привкус его крови во рту. Это как-то отрезвило. Сама себе не могла объяснить, зачем сделала это. Но отчего-то ещё больше хотелось, чтобы он сделал так же...

Кажется, нам точно что-то подсыпали.

– Ты что творишь, лисичка? – он был настолько обескуражен, будто я на его честь покушалась. От такой реакции я тоже ненадолго смутилась.

– Прости... тебе больно?

– Нет, но... Откуда ты знаешь о метке?

– Метке? Что такое «метка»?

– Луна, Эли! Ты не знаешь, что такое метка, но пыталась оставить её на мне, будучи человеком?

Что он говорит? Я, что, единственная девушка, которая кусается во время секса (ну почти секса)? Ещё и царапаются, бывает. Точно знаю. Смотрела же, читала, готовилась, считай.

– Думаю, это от избытка чувств...

– Нет, лисичка, это не от избытка... Ты человек, она заживёт на мне очень скоро, но больше меня интересует, как ты узнала об этом ритуале?

– Я не знаю, о чем ты говоришь. Не понимаю. Просто захотелось укусить...

Он провел пальцами по моему укусу, и я услышала, как поморщился, от чего меня словно иглой пронзила волна удовольствия. Это магия такая? Если так, то пусть будет. Мне нравится.

– Ты тоже это чувствуешь? – спросила, почему-то будучи уверенной, что да.

Но он ответил как-то странно.

– Нет, Эли, это самовнушение. Мы не можем ничего чувствовать.

Ну вот за себя бы говорил. Я же совершенно точно ощущаю что-то странное, необъяснимое... приятное... И всё же решила сменить тему, понимая, что он слишком серьёзно отнёсся к этой моей выходке. Сначала нежно поцеловала, а потом... почувствовала на себе внимательный полыхающий взгляд.

– Что опять не так?

Он не ответил, продолжая смотреть.

– Что за... Это странно. Она не могла сработать, ведь ты человек!

– А ты? – ухмыльнулась я. – Ладно, давай, расскажи подробнее, – уселась напротив, не обременяя себя тем, чтобы прикрыть наготу. С ним мне было комфортно. Ну и что, что он прекрасно видит в темноте, мне не жалко. Пусть смотрит. Это было даже приятно.

– Метку мы ставим своим избранным, она позволяет чувствовать эмоции друг друга и как бы связывает.

И снова я услышала, что хотела услышать.

– Теперь ты мой? – так это отлично, сразу надо было его куснуть, может, мысли бы свои дурацкие из головы выбросил.

– Эли, ты человек, это раз. И ты не моя истинная пара, это два. Поэтому то, что ты сделала, не несёт за собой ничего.

Отлично, чего тогда так всполошился? Укусила и укусила. Жаль, конечно, что он не считает, что теперь весь мой, а так было бы чудесно. Но ведь это дело времени.

– В общем я могу кусать тебя сколько захочу? – не то, чтобы прям планировала, но всё же решила уточнить. Он усмехнулся.

– Можешь, лисичка.

– Отлично, тогда предлагаю продолжить...

И я почти грациозно забралась ему на колени. Просто в темноте пришлось это делать наугад. Зато совершенно случайно, ища точку опоры, я нашла кое-что другое... Гораздо более интересное. Не успокоюсь, пока не изучу его всего, на ощупь, запах, вкус и прочее.

И почему я раньше никогда не интересовалась мужчинами? Наверное, потому что только этот такой нереально-притягательный. Вот его и буду изучать... До конца его дней. И кажется, он в конкретно данный момент был очень даже «за».

Хотя уже засыпая, я слышала, как он бубнил, что должен прекратить это безумие. А ещё, что может оно и к лучшему всё, раз полнолуние уже завтра. Что бы это ни значило.

Ведь пока мне не приходило иной мысли, кроме как магнитных бурь по лунному календарю. Опять когти вырастут? Ну ладно. Не так уж это и страшно. В крайнем случае подстрижём. Правда, придётся немного потерпеть без открытых мною способов удовлетворения, но это тоже ничего. Потом же вернётся обратно, как было? Вот и славненько.

Глава 18 Вечер полнолуния

А пока до нас не дошли те, кто шумел в коридоре, я так и продолжала прижиматься к его тёплому боку, склонив голову ему на плечо. Эмин вздохнул (вот вообще не поняла, почему) и положил руку мне на спину, продолжая прислушиваться. Ай, как приятно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.